

37898296

تورکمنستانى اوگره نیش

تورکمنستان مەركەزى ایجرااییه تامتەتى یانیندا، لکە تاویجنى
اوگره نیش قامسە تىنک آید ابرکەزەك چیقاریان

جورنالى

1-й экз.

1

СЕНТЯБРЬ 1927.

АШХАБАД

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО КОМИТЕТА

ПРИ ТУРКМЕНИКЕ

ТҮРКМЭНОВЕДЕНИЕ

дей, черносотенцев и его сотрудников: этот штатский, хромоногий и физически убогий человек, скопировал „способ управления народом“ у грозных, бывших генерал-губернаторов; он писал, что „всякие выступления против власти он беспощадно подавит вооруженной силой и *зальет кровью*“. Об этом „беспощадном подавлении“ им было немедленно отдано распоряжение казачьей сотне, которая прибыла в распоряжение графа Доррера.

Полная иллюзия царской власти, только вместо генерала писал штатский человек и февраль уже был забыт.

Созданная и пущенная Доррером легенда, что теперь будет каждый народ управляться своим „ханом“ и что иомуды стремятся поставить во главе всех туркмен хана от себя и управлять всеми ими, усиленно муссировалась и распространялась.

В дополнение к этому, граф Доррер создал в Асхабаде при канцелярии областного комиссара „особый комитет“ специально по делам коренного населения и все вопросы, касающиеся интересов только этого населения, должны были рассматриваться в этом комитете, не касаясь других центральных органов управления.

В состав комитета вошли: председателем граф Доррер, его помощником—Безруких, затем несколько чинов канцелярии ближайших сотрудников Доррера и наконец два представителя от туркмен Ахала. Таким образом, Доррер все управление туркменами сосредоточил лично в своих руках и мог сам разрешать все вопросы о жизни туркмен, помимо всех общественных организаций как русских, так и туркменских.

По качеству своему—этот „особый комитет“ с графом Доррером во главе, был настолько плох, что он не мог удовлетворить даже Ахальцев, имевших в нем своих представителей и которым Доррер оказывал „покровительство“. Комитет по духу и стремлению своему был враждебен туркменам вообще, опа-

сался их, а в том числе и Ахальцев, а потому, кроме зла и вреда туркменам ничего не мог делать.

Общего, сплоченного выступления туркмен против нового образа правления не было, так как Доррер успел в достаточной степени посеять вражду между ними, как выше об этом мы говорили.

Кроме того, туркмены разных районов были заняты своими, местными вопросами, грозно возникавшими перед ними в связи с переворотом и наступившей разрухой; они на местах вели борьбу и споры и в Асхабад не ездили.

Комитет существовал не долго, но и за это короткое время он успел увеличить разруху и внести всюду ссоры.

Мервцы всецело были поглощены борьбой за воду, которую у них захватило раньше и продолжало захватывать Мургабское, б. „Царево Имение“. Тедженцы боролись также за воду, захваченную у них „арендаторами“ водокачек по р. Теджену, а все туркмены были всецело охвачены необходимостью борьбы с наступавшим голодом и отсутствием хлеба, а потому центральный вопрос—об управлении краем не привлек их внимания. Города и комитеты сосредоточили запасы хлеба, денег, мануфактуры, сахара и пр. в городах, плохо или хорошо распределяли все это между городскими жителями, а коренное, сельское население было предоставлено самому себе; ему не давали возможности пользоваться ни железнодорожным, ни водным транспортом для заготовки продовольствия из других местностей, а все грузы хлеба, продовольствия и всего необходимого продовольственные комитеты захватывали для себя и сами ими распоряжались.

„Особый комитет“ не помогал коренному сельскому населению и о нем не заботился.

Несмотря на все эти условия, население скоро поняло сущность деятельности графа Доррера и глухо волновалось.

(Окончание следует).

Очерки по истории гор. Ашхабада

Н. И. Романов

Предисловие.

1. Что помнит Копет-Даг.

Темной обрывистой стеной Копет-Даг окаймляет с юга Туркменскую равнину, отделяя ее от Ирана. Многие мог бы он рассказать о прошлом. Помнит он, как поднялся он, высокий, на берегу акчагыльского моря, мутные воды которого подмывали его подошву, унося целые глыбы и размельчая их в гальку и песок... Потом море ушло, и на былом побережье поселился человек, не знавший металлов и заменявший их осколками кремня и „кости“. По линии оазисов от Гирканского моря до далекого Китая и от знойной Персии до Сибири потянулись караваны, привозившие первым насельникам Анау украшения из ценных камней Кавказа и Тянь-Шаня... Многовековая борьба землеробов, населявших Иран, с кочевыми племенами, сменявшими друг друга на Туранской равнине, борьба, воспетая Гомером Ирана, Фирдоси, в поэме „Шах-намэ“... Вырастают и кипят миллионным населением у его ног цветущие города: „Ниса“ (около Багира), Марг (около Байрам-Али) там где его ущелья давали проход торговцам и его воды поили поля... Походы Искандера-Двурогого, арабов, „Железного Хромца“ (Тимур-Ленка), сравнивавшие с землей цветущие города и оставившие на память о себе пирамиды черепов... Походы Надир-шаха, аламанов туркмен „появление 50 лет назад рус-

ских... На том пустом месте, где сходятся Фирюзинское, Гауданское и Кельтечинарское ущелья, стал расти город за 45 лет сменявший три раза свои имена: Асхабад—Полторацк—Ашхабад.

Чем ближе к настоящему, тем короче промежутки между крупными переменами и тем запутаннее становится клубок событий. Раньше все было понятно: голодный и нищий грабили сытого и богатого, а в XIX в. богатые стали нападать на нищих, сытые—грабить голодных и называть это империализмом. Вот, в 1879 г., войско многолюдной и богатой Русской империи явились в выжженные солнцем пустыни Туркмении, едва прокармливавшие малочисленное население, и начали ружьями и пушками приводить в подданство далекому русскому Ак-Падишаху. Не укладывается в голову старому Копет-Дагу, зачем они пришли...

2. Как и зачем попали русские в Туркмению.

К 3-й четверти XIX века поверхность южно-русских степей была распахана под пшеницу и свекловицу, а в их недрах были обнаружены неисчерпаемые залежи железа, каменного угля, ртути и каменной соли, к которым русский капитал немедленно приложил руку. Началась скачка миллионов: на

берегах Черного моря выросли порты, к ним потянулись железные дороги, но выход был только один — через Б-сфор и Дарланеллы, принадлежавшие Турции. От ее доброй воли зависело дать свободный выход русским продуктам или прекратить его.

Эту помеху решили устранить. Под предлогом спасения единоверных и единоплеменных братушек — сербов, болгар, румын — от неистовств турок с 1875 г. стала подниматься шумиха; сначала на выручку двинулись добровольцы, а в апреле 1877 г. и вся христолюбивая русская армия вступила в пределы Турции. Несмотря на ничтожество своих вождей, русская армия, всеяв свои мечами Болгарию, Балканы и Фракию, докатилась до Константинополя и 19 февраля 1878 г. был подписан Сан-Стефанский мир, отдававший Турцию живьем в руки русскому капиталу. Но счет был сделан без хозяина: английский флот оказался по соседству с Константинополем, Австрия потребовала за свой нейтралитет во время войны доли в добыче. — России пришлось согласиться на пересмотр Сан-Стефанского договора в Берлине. Финансовое истощение России, неимение новой армии взамен уложенной на Болгарских полях и оживление революционной деятельности в утри страны положили конец широкому размаху русского капитала, путь на океан через Б-сфор так и остался закрытым и пришлось искать новых путей. Самым легким казалось — через Туркмению проложить путь к Герату и к Индийскому океану, выйдя таким образом на пути между Англией и ее важнейшей колонией — Индией. Этот путь намечается уже давно: еще в начале XVIII в. Петр I отправил на Хиву трагически окончившуюся экспедицию Бековича-Черкасского. В 1800 г. Наполеон, тогда еще первый консул, предложил Павлу I отправить казаков из Оренбурга в Индию, и этот план не осуществился только потому, что 11 марта 1801 г. Павел I был задушен в собственном дворце. С Николаем I началось завоевание Средней Азии, приведшее в конце XIX в. на заоблачные выси Памира и к среднему течению Аму-Дарьи, но до Индии было далеко — надо было перешагнуть через Бухарские и Афганские горы, заселенные воинственными племенами — предстояло второе завоевание Кавказа. Поэтому, в 1878 г. созрело решение: базируясь на Михайловское укрепление на восточном берегу Каспия, добраться до горных перевалов, ведущих к Герату, предмету постоянных войн между Персией и Афганистаном, и оттуда на побережье Индийского Океана. Первая экспедиция, под начальством ген. Ломакина, кончилась неудачей, и он был заменен ген. Скобелевым, прежде служившим в Средней Азии, а потом в войну 1877—8 гг. стяжавшего славу непобедимости. Подавляющая численность русской армии, лучшее техническое снабжение и племенные раздоры между туркменами дали сравнительно легкую победу: 12 января 1881 года пал

Денгиль-Тепе, а 8 мая того же года без боя были заняты окрестности г. Ашхабада и здесь заложено укрепление. Вот как и почему родился Ашхабад.

3. Первые шаги русской власти.

Бомба Гриневецкого, закончившая царствование Александра II, и штабные интриги, удалившие Скобелева из Туркмени в Минск, вызвали перерыв в активной деятельности. Генералы Рерберг и Комаров, сменившие один другого во главе экспедиционного отряда, дальше Ашхабада не двинулись и принесли вместо политики кнута политику пряника. Бывший глава племени теке, Тыкма-Сардар был отправлен в Петербург, получил там чин майора милиции и пожизненную пенсию, а его сын оставлен заложником в звании пажа императорского двора. Сын другого хана Нур-Верды, Махтум-Кули-Хан также получил майорский чин и был направлен в Мервский оазис уговаривать бежавших из Геок-Тепе вернуться. Мулла Саган-Магомед-Ауган-Ишан-оглы вел переговоры с Мервскими ханами о добровольном подчинении России. Старшины родов Бахши, Сычмаз, Векил и Бек получили чин капитана.

Движение вперед приостановилось и пришлось устраиваться в Ашхабаде, тем более, что на сцене появился известный железнодорожный строитель ген. Анненков, который привез план проведения железной дороги от Ашхабада на юг по одному из ущелий через Персию на Индийский Океан. Продажность Тегеранского правительства сулила большие шансы на успех. Начальный участок пути был намечен от Красноводска до Ашхабада, узкоколейная дорога была заменена ширококолейной, в Кизил-Арвате были оборудованы ремонтные мастерские, для обслуживания дороги был сформирован железнодорожный батальон. Рядом с укреплением Ашхабад выросли: станция железной дороги, железнодорожный поселок и армянская слобода, заселенная бывшими маркитантами отряда. С водворением спокойствия из Персии потянулись торговцы и преследуемые за свой религиозный рационализм „бабисты“ (бехаисты), образовавшие поселок в южной части будущего города. Осели уволенные в запас нижние чины армии, особенно обзаведшиеся семьями. Начался приток ремесленников из Закавказья: грузин, лезгин, евреев. Каждый старался обзавестись оседлостью и военное управление шло им на встречу, нарезая участки свободной земли под условием застройки. Появились частные постройки и посадки, для нужд которых отобрана значительная часть кыризной воды и речек Ашхабада и Кешинки. Так начал быть Ашхабад. История его роста и жизни по уцелевшим архивным данным и составит предмет дальнейших очерков.

I. 1881—1890 года.

Материалы для настоящего очерка извлечены: статистические — из „Обзора Закаспийской области за 1882—1890 г. г.“, изданного под редакцией начальника области Куропаткина, а остальные из дел Гос. Архива Туркменской ССР (фонд канцелярии начальника области).

Статистические данные имеются лишь с 1883 г., а бытовая сторона жизни иллюстрируется немногочисленными уцелевшими делами.

Приводимые ныне цифры, как и вся статистика старого времени имеют только относительную достоверность, колебания в числе лиц отдельных народностей объясняются различными причинами: падение числа армян вызвано расселением их во вновь открытые города; резкие скачки в числе персов связаны с тем, производились или нет в эти годы строительные работы; в числе хивинцев в 1886 г. показаны и туркмены хивинские подданные.

I. Ведомость о числе пришлого населения в гор. Ашхабаде.

Национальность	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889
Русских	20	151	468	638	736	920	1250
Грузин	—	28	90	173	200	220	180
Армян	650	268	916	2190	—	1550	1500
Евреев	17	32	26	70	130	120	135
Персов	800	707	1216	3920	550	1160	3200
Татар	52	175	45	2763	2267	2190	1831
Хивинцев	6	44	41	901	633	301	197
Бухарцев	—	—	—	8	5	15	—
Осетин	—	—	39	66	21	10	12
Разных западно-европейцев	13	26	84	216	141	39	44

II. Ведомость о числе зданий и торговопромышленных заведений.

	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889
Домов	72	141	302	700	720	726	750
Лавок мануфактурных и галантерейных	—	30	369	150	219	410	613
Лавок колониальных и бакалейных	70	51	23	200	—	—	
Лавок мелочных	—	31	—	150	—	—	19
Лавок хлебных	13	23	17	50	30	24	
Лавок мясных	—	8	12	35	30	—	15
Лавок ремесленных	—	47	87	80	—	—	121
Кондитерских и булочных	—	—	—	—	—	—	5
Колбасных	—	—	—	—	—	—	2
Харчевен	—	2	19	17	75	129	15
Питейных заведений	45	31	31	39	—	—	105
Оптовых винных складов	—	6	6	11	7	8	7
Гостиниц	—	3	—	9	5	4	2
Меблиров комнат	—	—	—	—	—	—	2
Караван-сараяв	—	—	—	—	29	32	33
Ледников	—	—	—	—	31	18	16
Бань	—	3	5	7	7	7	9
Типографий	—	—	—	—	1	1	1
Домов терпимости	—	—	—	—	7	7	6
Заводов пивных	3	5	5	—	1	1	1
Заводов №№ минеральных вод	—	—	—	—	3	2	2
Заводов кирпичных	—	17	29	50	56	52	22
Заводов известковых	—	10	14	25	—	—	7
Заводов кожевенных	—	—	—	—	2	1	1
Заводов мыловаренных	—	—	—	—	—	1	1

Неуклонное падение цен связано с улучшением сообщений с морем и Кавказом; в 1883 г. железная дорога была открыта до ст. Гяурс, в 1885 г. до ст. Баба-Дурмаз, в 1886 г. до ст. Такыр.

За 1881 и 1882 г. г. официальных статистических данных нет, но уцелевшие архивные дела в количестве 10 за 1881 г. и 14 за 1882 г. дают возможность, хотя в общих чертах нарисовать облик Асхабада за эти годы. Заведующий населением Ахал-Текинского оазиса берет на себя смелость напомнить начальнику области обещание данное Скобелевым о вознаграждении за земли, взятые под постройку крепости, прилагает список 67 человек из племени Усупа и Канжи, 166 участков которых были отобраны, и добавляет, что родник, отошедший к крепости, принадлежит 30 семействам, которые пользовались этим родником в течение 15 суток ежемесячно—май 1881 г. (д. № 18905). Этот же водный вопрос 22 июня вновь затронут в приказе начальника области, предписывающем пускать жителей от вечерней до утренней зари воду, протекающую по канаве с восточной стороны укрепления (д. № 19113) таково отношение к туземцам: земля и вода отбирается для нужд крепости, а (д. № 19082) говорит о разрешении отвести двой-

III. Ведомость о средне-годовых ценах на продукты.

	В пудах и рублях						
	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889
Хлеб 1 сорт	1,60	1,20	—	—	—	—	—
Хлеб 2 сорт	1,20	0,80	—	—	—	—	—
Мука пшеничная 1 сорт	1,60	0,91	—	1,40	1,30	1,50	1,20
Мука пшеничная 2 сорт	1,30	0,80	0,79	0,90	1,10	1,00	0,80
Рис 1 сорт	6,00	4,00	—	6,00	4,00	5,60	3,33
Рис 2 сорт	3,20	3,00	2,80	2,60	2,60	2,40	2,45
Мясо говяжье	4,00	3,60	3,97	3,80	3,60	3,20	2,90
Мясо баранье	4,00	4,00	3,87	3,80	3,80	3,20	3,00
Соль	0,80	0,65	0,73	0,80	0,80	0,60	0,60
Сало курдючное топленое	—	7,75	7,20	6,00	6,00	6,00	5,50
Сало говяжье топленое	8,00	5,20	7,20	7,00	7,00	7,00	5,25
Сало говяжье нетопленое	6,00	4,70	5,20	—	—	—	—
Лук	0,80	0,50	0,67	0,80	0,60	0,50	0,74
Ячмень	—	—	—	0,8	0,90	0,78	0,50
Сено	—	—	—	0,35	0,35	0,35	0,33
Масло коровье	—	—	—	12,00	11,00	11,60	10,66
Керосин	2,70	2,40	2,60	1,80	1,60	1,40	1,20

ные участки земли под постройку капитану Гаврилову и колл-советнику Романову, который, к слову сказать, вскоре промотал казенные деньги и застрелился, (д. № 19036) отводит участок под постройку винокуренного завода бобруйскому мецанину Иосифу Гольдбергу, а запасный фельдфебель Венямин Котляр (д. № 19104) получает участок для винокуренного завода близ воды. Все же жизнь начинает налаживаться: 1 июля походное казначейство заменяется постоянным и хотя казначейство помещается в кибитке, но присяжный счетчик успевает обзавестись собственным домом, две комнаты которого сдает 19 сентября под канцелярию казначейства (д. № 18957). Гражданские чиновники привлекаются в Асхабад усиленными окладами, подъемными, прогонными и пр., но Асхабад трясет больших расходов: жизнь дорога в виду трудности подвоза из России—такса, утвержденная 31 августа, говорит о том, что цена на английский сахар 28 к. за фунт, а на русский 35 к., т. е. приблизительно вдвое дороже цен в русских городах, таксированы крупа, горох, мыло, яйца, лук, но большая часть таксы содержит расценки водок, вин, привозного пива, спрос на которые был, очевидно, очень высок среди военного населения города. Цены на хлеб колебались в связи с привозом из Персии и доходили до 4 к. за фунт. О еде в трактире обходился в 70 к. (д. № 18942). Торговля шла полным ходом: к 29 августа зареги-трировано 52 торговца в армянском квартале и 47—в перидском, среди которых русских только 4. ужды растущего города в очистке улиц, базарной площади, приобретении пожарного инструмента и т. д. требовали изыскания доходных статей; 26 октября начальник области поручил управляющему оазисом переговорить с торговцами, которые согласились платить по 12, 6 и 3 руб. в год с лавки и по 20—30 к. с каждого торгующего без лавки. Общая цифра сбора выразилась в 705 р. (д. № 19006). Таково было начало городского бюджета.

Архивный материал 1882 г., уцелевший также в малом количестве, рисует картину растущего города, начинающего приобретать культурную видимость. 15 октября начальник уезда начинает переписку об освещении города, 23 октября разрешено за счет городских сумм, поставить 25 уличных керосиновых фонарей на базаре, в форштате и офицерской слободке. На торгах, состоявшихся 15 августа 1883 г. низшая цена за освещение каждого фонаря установлена в 29 р. 80 к и начальник области приказал освещать город хозяйственным способом (д. № 19191). Торговля тоже развивается, несмотря на то, что грузы подвозятся на арбах, фургонах и верблюжьими вьюками, налаживается снабжение города убойным скотом из Мерва и впервые появляются сведения о вывозе мануфактуры и галантереи в Персию, достигающем за год цифры в 15 000 р., при общей сумме ввоза в Асхабад в 168 222 р. (д. № 19196). Торговая такса этого года охватывает действительно предметы первой необходимости и заполнявшие ее в 1881 г. цены на спиртные напитки исчезают. Жизнь значительно подешевела: мясо с 12 к. за ф. в начале года упало к апрелю до 9 к., са с 20 к. за фунт дошло до 15 к., рис стоил 8—15 к., коровье масло—40 к., местный сыр—30 к., печеный хлеб колебался между 3 и 4 к., в зависимости от подвоза из Персии, которая снабжала жизненными припасами Асхабад (д. № 19387). В целях повышения городских доходов были поставлены общественные весы с оплатой не свыше 1 к. за пуд (д. № 19192). С отводом участков под постройку не скупилась: интендантскому чиновнику Бек-Шатурову участок в феврале отвели, он устроил на участке кирпичный завод, сделал и продал 15 000 шт. кирпича и уехал (д. № 19377), к сентябрю вырос винокурный завод Скокана (д.д. №№ 19136 и 19136), подрядчику Меликову отведен под устройство госпитального огорода 3 десятины, правда, с оговоркою, чтобы его поливка не была в ущерб населению (д. № 19163), елецкий мещанин Бочаров 22 февраля я просит не только об отводе земли, но и о пособии на постройку и бесплатном перевозе семьи из Ельца (д. № 19481).

В 1883 г. городские доходы во росли, так как откуп веков был сдан уже не за 500, а за 830 р. в год (д.д. № № 19658 и 19687). Торговля значительно расширилась, так как Асхабад стал транзитным пунктом: из введенных на 585 200 р. галантерейных и мануфактурных товаров на 75 500 р. было вывезено в Персию; Хива за мрамор и, рис и зеленый чай вывезла на 916 верблюдах мануфактуру; фотогон вывезен в Персию на 5000 р., тогда так ввоз обозначен только на 2900 р.; пригон рогатого скота и баранов и привоз жизненных припасов, сена и дров из Персии расценивался в 41 500 р. по официальным данным, превышая в действительности эту цифру, так как не каждая мелкая партия попадала на учет (д. № 19749). Цены на жизненные продукты снизились настолько, что с июля обязательная такса оставлена в силе лишь для хлеба и мяса (д. 19510). В числе насельников города, кроме 6 армян, построивших винокурные заводы (д.д. № № 1 641, 19861, 19654, 19613), вошел и старый наш знакомый Махтум-Кули-хан, получивший участок в 16×32 саж. для постройки дома (д. № 19825) и рядом с ним построил лавки персиянин Атам-Махмед Риза оглы (д. № 196955). Но, когда с просьбой об отводе участка под огород обратился прапорщик 6-го стр. батальона Бенхаев, ему не только отказали, но поставили на вид, что строевому офицеру не приличествует заниматься посевами.

Коронационные торжества 15 мая дали начальству случай сблизиться с населением: устроен скаковой круг, уездному начальнику поручено широко оповестить население о торжествах, были отпущены деньги на призы на скачках и на угощение туземцев, ветером укрепление и город иллюминированы, а на Скобелевской площади было устроено гуляние при двух хорах музыки (д. № 19557). В целях афиширования установившихся добрых отношений туземцами был командирован фераджий Нияз-Батыр-Сардар по аулам и под предлогом поздрав-

ления нового начальника области с приездом 28 мая в Асхабад съехалось 17 аульных старшин от Чаача до Меача, были приняты и угощены по распоряжению ген. Комарова. Из судебных дел этого года характерна тяжба переводчика джигитов таарина Киркова, который, получив от ген. Рерберга, пятерной участок за заслуги, о характере которых Кирков умалчивает, начал земельную спекуляцию: сдал турецкому подданному Будагову участок под постройку бани, которую тот выстроил на свой счет, и, когда Будагов задумал вернуться в Турцию, то Кирков предъявил свои права на баню, хотя не вложил в ее постройку ни копейки (д. № 19621).

Крайне скудный архивный материал 1884, сводящийся к 6 делам, 5 из которых об отводе участков, дает возможность лишь установить дату появления частных аптек. 21 августа Лонг и Янушкевич открыл первую в Асхабаде частную аптеку на Скобелевской площади в д. Коханюка (д. № 20009). До ее открытия медикamenty отпускались населению из аптеки при местном лазарете.

Город переживал тревожное настроение в виду обострившихся отношений с Англией: „добровольное“ подчинение мервских ханов России открывало доступ в долины р.р. Мургаба и Теджена, значительно сокращавший нейтральную зону между туркменскими владениями России и английскими владениями в северо-западном углу Индии. Английские эмиссары и военные агенты подготавливали выступление афганского эмира; русские Тедженский и Серахский отряды были передвинуты к югу и, видимо, назревало столкновение, которое и произошло в марте 1885 г. при впадении р. Кушки в Мургаб в местности Таш-К при Вслед за разбитыми афганскими войсками русский экспедиционный отряд продвинулся вверх по долине Мургаба, до того места, где Мургаб выходит из гор на равнину; этот скачек к югу был закреплен устройством Кушкинского поста, но дальше идти у России смелости не хватило и Царь „мироворещ“ Александр III предпочел вести мирные переговоры, в результате которых великая идея железнодорожного пути из Асхабада на Индийский океан была отложена и выдвинутся новый план протянуть дорогу через Мерв на Аму-Дарью, ведя одновременно продолжение железнодорожной линии Оренбург—Ташкент до смычки со Средне-Азиатской по Аму-Дарье. Этот путь, пролегая в тылу возможных военных действий, являлся бы и второю связью между двумя кусками средне-азиатских владений России, разделенных пустынями и двумя реками.

Во внутренней жизни Асхабада в 1885 г. сделаны были дальнейшие шаги к улучшению.

Из рапорта уездного начальника видно, что закончена 14 августа постройка нового собственного здания для двухклассной школы, раньше помещавшейся в наемном доме. Прием детей с 7-летнего возраста был, благодаря этому, обеспечен, и начало занятий было объявлено с 2 сентября (д. № 21641). Очевидно, что дата возникновения первого Асхабадского учебного заведения должна быть отнесена к более раннему периоду, но документальных данных не сохранилось.

Вторым шагом к упорядочению городского быта был приступ к улучшению ирригационной сети. Две комиссии, учрежденные с этой целью в 1883 и 1884 г.г., признали необходимым: 1) очистить подземное русло главного кяриза от наносов(*) закрыть все отверстия, 2) уничтожить открытый водоразборный бассейн, построить новый закрытый, перенеся его на 102 сажени ниже для того, чтобы из его жолоба можно было наливать бочки, 3) одеть каналы булыжным камнем или жженым кирпичем, 4) устроить отдельный бассейн для водопоя и стирки белья, 5) перенести на другое место водоспускную трубу из под бруствера крепости, 6) устроить шлюзы и каналы для регулирования водоснабжения отдельных участков (д. № 3786). К сожалению, не сохранилось плана ирригационной сети с отметкой существующих и предполагаемых каналов, упоминание о котором есть в деле. Пожелания комиссии рисуют яркими красками водоснабжение города: из грязного кя-

риза вода шла в открытый бассейн, из которого пили, поили животных и у которого стирали белье; по городу вода шла зловонными арыками, вечно заилявшимися и осыпавшимися; через канавы каменных мостков не было и к сооружению за счет городской суммы в числе 10 приступили только при общей мелиорации водоснабжения (д. № 20384а).

Сохранявшаяся такса на хлеб и мясо гласит, что цена 1 ф. хлеба из местной муки колебалась от 2½ до 3 коп., говядины — стабил зировалась на 10 к., — баранины с 11 коп. в феврале и марте упала до 8 к. в июле и удержалась на 9 к. до конца года (д. № 20348).

Рост населения Асхабада превзошел самые смелые ожидания: в 1884 и 1885 г. г. отводилась под засройку на 300 участков ежегодно, а на 1886 г. число прошений об отводе участков возросло до 500. В связи с этим остро встал вопрос о водоснабжении. Р. Асхабалка не в состоянии уже удовлетворять нуждам населения и весь 1886 г. прошел под знаком поисков воды. Инженер Ивановский представил большую докладную записку, которая устанавливала, что до Асхабада доходит едва ¼ того количества воды, которое дают в своих верховьях ключи: исчисленный дебит ключей в 2.400.488 федер в сутки а приход воды в Асхабадском бассейне — 622.321 в сутки. Причиной такой колоссальной траты воды оказалась фильтрация в почву и испарение. В целях борьбы с этим печальным явлением решили приступить к расчистке выходов ключей, снабжению кяризов одеждою из жженого кирпича и обсадке речки быстро растущими деревьями. В целях устранения прохождения ассенирования через Петербургские канцелярии начальник области лично писал Главноначальствующему на Кавказе о содействии к движению этого наболевшего вопроса. Острота положения с водою увеличивалась еще более от неорганизованности расхода воды: каждый захватывал, что мог, обделяя соседей — последнее обстоятельство вызвало 12 мая 1887 г. приказ по гарнизону, устанавливавший точные сроки пользования водою для каждого квартала, и наряд воинских чинов для наблюдения за исполнением приказа. Приказ, кроме прямой своей цели, ценен, как документ, устанавливающий территорию города к дню издания приказа, поэтому он приводится полностью.

Распределение воды в укр. Асхабад.

Воскресенье, Понедельник, Среда и Пятница. 4—6 ч. 6-я батарея и бывшие бараки 3-го Закасп. стрелк. батальона.

6—16 Форштат. (Часть воды с 4 ч. до 7 ч. бараки местного лазарета и Таманский полк).

16—21. Офицерская и Штабная улицы, крепостной сад, д. командующего войсками и в крепости — 2-й батальон и 4 батареи.

21—4. Участки к северу от Штабной улицы по Анненковской, Ташкентской и Серахской улицам до границы жел. дороги.

Вторник, Четверг, Суббота. 4—16. Участки по Инженерной ул. от Каракумской, Серахской, Комаровской и Зюльфагарской улицам до границы жел. дороги.

16—22. Участок от Торговой площади к северу по Зюльфагарской, Торговой, Кирпичной улицам до границы жел. дор.

21—4 ч. по Ставропольской, Крымской, Стрелковой и Кашинской улицам до границы жел. дороги.

Кроме того из главного водоразборного бассейна вода идет беспрестанно через Персидские ворота крепости, разделяется у Асхабадской гауптвахты и орошает каждый день верхнюю часть базарного населения и торговую площадь.

Там же указаны водоразделы:

1) ниже последней мельницы, откуда 2/3 идет в Асхабадские аулы, а 1/3 на укрепление Асхабад и водопровод жел. дор.

2) ниже того, откуда 1/3 идет на орошение 6-й батареи, бывших барачков 3-го стрел. батальона, форштат и бывшие кирпичные заводы, а 2/3 до 3-го водораздела;

3) у местного лазарета, откуда идет на Таманский полк, местный лазарет и участки левее Офицерской улицы;

4) в конце Офицерской улицы, откуда 1/2 идет на участки правее этой улицы, в крепость и к северу от нее, 1/2 до линии жел. дороги по Анненковскому шоссе и крепостной улице (д. № 17967).

Городские суммы в 1886 г. получили значительное приращение, так как уездное управление совместно с базарными старостами и депутатами от торговцев вынесло постановление взимать на городские нужды с трактирных заведений, с духов по 35 р., с каравансараяв по 75 р. по полугодично, а с временно приезжающих для гуртовой продажи спиртных напитков с 40-ведерной бочки — по 1 р., а с полубочки и ящика по 50 к. (д. № 18014). Цены на жизненные продукты держались примерно на уровне прошлого года: хлеб — 2½—3 коп., говядина 8—10 к. и баранина 8—10 к. (д. № 17919).

17 января 1886 г. есть дата возникновения первого в Асхабаде потребительского общества; в этот день поступила к начальнику области докладная записка кружка лиц из служащих о необходимости организации потребительного общества ввиду крайней дороговизны на предметы первой необходимости. Приложенный к записке проект устава вернулся после долгих скитаний по столичным канцеляриям с пометкой об утверждении его 12 апреля 1890 г., при чем он потерпел значительные изменения и обратился в типичный устав того времени. Самое название Ова „Сбережение“, пай в 25 р., право иметь одному лицу 20 паев, закрытая баллотировка на выборах, отчисление 90% прибыли в дивиденд и 10% в запасный капитал — все это так характерно для буржуазной потребилки, что приходится сожалеть, что до нас не дошел первоначальный проект устава (д. № 21738).

В 1887 г. приступили к устройству городского сада: под него отведено то место, которое он теперь занимает между Ташкепринской, Анненковской и Мервской улицами. Место было обнесено кирпичем и глинобитными стенами; соображения о засаждении были запрошены у члена российского общества садоводства Черноглазова, доклад которого уцелел в главных чертах сводится к следующему: сад должен быть декоративным, акклиматизационным и доходным. Проектировалась акклиматизация яблоков, кальвиль и груш-дюшес. В питомнике для распределения среди населения предполагалась посадка черешень, персиков, слив, абрикосов, ягодных растений, грецкого орешника, вишневотника, 40—50 пород винограда. На работы намечался 2—3 летний срок и смета предполагалась в 1900 р. Все земляные работы в саду производились нарядом арестантов. Не успел сад устроиться, как вокруг него стали разыгрываться аппетиты аферистов: 16 марта 1888 года вятский крестьянин Безносов, бывший буфетчик Астраханского общественного собрания, обратился к начальнику штаба области с предложением устроить в городском саду буфет, бильярдную, кегельбан и открытую сцену, с правом монополии торговли и сдачи сцены. Сад быстро разрылся и в феврале 1889 г. оказался уже в состоянии опустить 4000 деревьев айванта и 500 акаций для жел. дор., (д. № 2176).

В делах этого года сохранился именной список лиц, с которых получен посаженный сбор за отведенные им под постройку участки. Сбор был назначен невысокий — 5 к. за кв. сажень, но он дал за один только 1887 г. — 3405 р. 20 к. т. е. отчуждено было 68104 кв. саж. — очевидно, сбор коснулся всех наличных домовладцев, так как 1888 г. дает 523 р. 25 к., а 1889 г. 96 р. 50., взысканных в рассрочку с офицеров. Общая площадь частного землевладения определилась т. о. в 80501 кв. сажень; все оставшееся захваченное у коренного населения пространство было занято крепостью и казенными постройками.

Любопытен социальный состав земельных собственников: офицеров — 22, чиновников — 27, солдаг — 8, неслужащих — русских 31, армян — 21, персов — 36, туркмен — 1, узин — 2, иностранных подданных — 4, обществ — 4. На 156 фамилий приходится один бывший законный владелец этой земли, а в списке

неслужащих русских значительная доля приходится на жен офицеров и чин вников, что превышает до половины число членов этой категории землевладельцев. Незначительный процент домовладельцев — армян объясняется тем, что они в большинстве ехали сюда для торговли, оставляя семьи на родине и числясь нухинскими, шушинскими, зангезурскими жителями. (д. № 5353).

1 января 1888 г. ознаменовано в Асхабаде появлением на улице полицейских чинов: пристава и базарных полицейских, на содержание которых отпущено из городских сумм 43-0 р. (д. № 6876). Казначейство, очевидно, прекратило свое существование и обзавелось собственным домом, так как на ремонт его было истрачено 321 р. (д. № 9826).

По городскому хозяйству следует отметить следующее: Для помещения приезжающих с продуктами на базар из аулов на базарной площади был построен каменный сарай и два отхожих места. Городской сад разросся настолько, что возник вопрос о сдаче в аренду тотен, винограда и куряги, но так как никто на торги не явился, урожай был сдан сторожу сада за 10 р. Городские суммы к 1 января 1887 г. возрасли до 6628 р 50 к., из которых уездный начальник получил заимообразно 2000 р. на постройку дома (д. № 21776). Цены на жизненные продукты в течение года на хлеб росли непрерывно, дойдя от 3 до 4 к за фунт, с мясом, достигшим в феврале, марте и апреле высшей точки в 10 к. а фунт, приняты были меры, сразу понизившие их до 7—8 коп в летние месяцы и только с октября начался сезонный рост их до 8-9 к. (д. № 2185). Рост населения вызвал необходимость упорядочения порядка убоя скота, в виду чего совещание при начальнике уезда вошло с представлением об устройстве скотобойни; ежедневный убой скота достиг 20 голов крупного скота и 40 голов мелкого, ежедневный в течение зимы до 200 свиней. Скотобойня была устроена в 3-й части города за полотном железной дороги и состояла из ям для отбросов при убое, канавы из Кешинского ручья и козел для бешанья туш. Архива их принесла 1220 р. в год (д. № 21847).

19 марта 1888 г. состоялось в д. Успенского по Зульфгарской улице собрание жителей города, составившее приговор о желании учредить общественное собрание. 13 апреля в. и. о.

нач. области разрешил, впредь до утверждения устава, собираться в намеченном для клуба помещении. Утверждение устава состоялось 31 мая 1900 г. — это был типичный провинциальный клуб для игры в карты и выпивки; членами его не могли быть женщины, несовершеннолетние учащиеся и нижние воинские чины; для удовлетворения культурных потребностей предусматривалась библиотека, спектакли, лекции, но это было только привеском.

1889 г. не оставил по себе архивных документов; жизнь тянулась по инерции, так как стал известно, что начальник области ген. Комаров переводится в Россию и придется изменяться и принаравливаться к новому начальству. Если в истории вообще личностей — фактор не высшей цены, то в истории такого захолустья, каким был Асхабад, все строилось по личности. Перту эту подметил увековечил в своей „Истории города Глупова“ еще Салтыков разделивший эту историю по градоначальникам. Удививший Зааспийский градоначальник принадлежал к типу патриархальных вельмож, получивших первый закал еще в кадетском корпусе времен Николая I, и держась в пределах законности, когда дело шло о власти имущих, он не считал себя связанным по отношению к гражданам 2 разбора. В 1884 г. явились в Асхабад Мервские ханы и старшины с изъявлением верноподданнических чувств; Комаров вызвал фотографа Торвальца и распорядился снять фотографии как с отдельных гостей, так и со всей их группы; фотографии были сняты, Комарову понравились и были отправлены в Петербург, но, когда фотограф представил счет в 57 р., то Комаров деньги заплатил, но в 7 часов выслал фотографа из Асхабада, как еврея. (д. № 20281).

Столь же патриархально отнесся он к драгоценному историческому памятнику Холму в Анау, через который он велел проложить траншею сверху до низу; чем поверг в немалое изумление археолога Пампелли, предпринявшего впоследствии правильную научную раскопку этого холма, сохранившего в своих недрах неценные археологические сокровища, несмотря на варварство Комарова. Асхабад ждал нового хозяина, а этот хозяин, по слухам, был человек образованный, знающий край, и все затихло в ожидании; «вот приедет барин — барин нас рассудит». (Продолжение следует).

Гони Бек

(Рассказ туркмена о битве с русскими под Геок-Тепе)

Записал С. М. Овезбаев.

ОТ РЕДАКЦИИ

Помещая предлагаемую статью, считаем долгом оговориться: кажущаяся непоследовательность, не полное совпадение в описании событий с хронологией, значительное место отводимое описанию вылазки — оставлены в неприкосновенном виде, чтобы не лишить рассказ того аромата непосредственных переживаний, который свойственен рассказчику-туркмену, не забывшему кровавых дней 1880—81 годов.

Аман Ага, Аман Гельды Гони, Гони Бек был в своем роде единственный и лучший образ туркмена времен „туркменчики“. Он происходил из рода Сычмаз, колена Араб. Был первым советником и правой рукой Нур Верды Хана. Его мнение, его суждение было голосом народа и тогдашней общественности. Без его участия не было ни одного большого „маслахата“. Он был лучшим „саяндаром“, создателем современной туркменской музыки. Сыграть на „дутаре“ так, как играл в свое время Гони Бек — и в наши дни считается лучшим исполнением.

1) Совет.

2) Музыкант, играющий на дутаре.

3) Двуструнная балалайка.

Данный рассказ является небольшим отрывком из целой серии легенд, воспоминаний, сказаний и преданий, живущих в туркменском народе, к систематической записи которых приступил С. М. Овезбаев. Рассказ образно рисует последние печальные дни туркменской вольницы, подавлявшейся торжествующей силой царского империализма. Здесь же и тень британского льва беспокоящегося за свое владычество.

Был страстный любитель „чилима“. 4) В сопровождении нескольких уважаемых лиц стариков под главенством Нур Верды Хана 5) разезжал он из копа в конце Ахала 6) и, останавливаясь почти в каждом ауле, разбирали недоразумения между аулами, примиряли кровников, собирали мнение масс по различным рода общественным и политическим явлениям. В частной жизни Гони Бек был скромный, бедный. Обаяние, приветливость, ровное ко всем отношение делали его центром всеобщего уважения и внимания. В его кибитке было всегда полно народу: друзья

4) Кальян.

5) Текинский вождь. Рода Тохтамыш, Векиль, Юсуп, Кара-Юрме.

6) Район от Кызыл-Арвата до Гяурса.

Вчерки по истории гор. Ашхабада.

(По архивным материалам, хранящимся в Цуарделе ТССР).

Н. И. Романов.

Продолжение. (Начало см. в № 1 „Туркменоведения“).

II. 1890-1896 г. г.

С приездом нового начальника области генерала Куропаткина, город вступил в период полного преобразования: временная стоянка войск обратилась в настоящее городское поселение, сохранив еще надолго имя укрепления.

Чтобы иметь понятие о том, что представлял собою Ашхабад в январе 1890 г., проследим путь следования нового начальника области.

С одиноко стоявшего на пустыре, железнодорожного вокзала, тянулась засыпанная щебенкой дорога, влево от которой были пашни аула Ашхабад, а вправо пустырь до городского сада, за садом опять пустырь до сада областного штаба, где ныне дом Красной Армии, за которым начиналась офицерская слободка, ныне у. Маркса. Повернув в нее, выезжали на крепостную эспланаду, ныне площадь Маркса—обширный неможенный пустырь, окаймлявший крепость. Крепостные вал и ров выходили на площадь выдающимся углом, как раз на том месте, где находится типография Госиздата, тянулись до угла Лабинской и Гоголевской, поворачивая к электрической станции на Комсомольской, отсюда к Гостеатру, от него к началу Докторского, по Докторскому до Штабной и по Штабной до Горисполкома. В крепость вело трое ворот и она была пересечена дорогой от Персидских ворот до д. начальника области (ныне штаб дивизии). Внутри крепости помещались: казначейство, глинобитные землянки с камышевыми крышами для солдат, глинобитные, на кирпичном фундаменте, дома для офицеров, тюрьма и областные управления. За эспланадой, на месте теперешней школы им. Некрасова, была гарнизонная баня, а за нею до Ташкепринской улицы 1½ саженьный овраг, по имени которого и названа Овражная улица. За эспланадой кругом разбросаны были дома частных домовладельцев. Застроенная часть города ограничивалась Мервским шоссе (н. улица Свободы), Стрелковой улицей, Фонтанной и Михайловской. Неглубокие, постоянно заилившиеся арыки временами заливали город, а по большей части издавали зловоние. Водоразборный бассейн был на углу Фонтанной и Крымской. Неможенные, пыльные летом и залитые грязью зимой улицы тускло освещались немногочисленными фонарями. Ни точного числа жителей, ни точного количества домов не было известно: между домами были пустыри, неизвестно за кем числившиеся. В грязных караван-сараях ютились чернорабочие, прибывавшие и убывавшие без всякого учета. Духовные потребности населения удовлетворялись одною школою, временным цирком (на месте теперешнего управления водным хозяйством) и гарнизонной церковью. Ни библиотек, ни книжных лавок. Лечились в местном военном лазарете. Хоронились на кладбище, бывшем на холмах над гор. дом, как раз на месте начала кяризов, снабжавших город водой. Напивались: простонародье в многочисленных духанах, офицеры в гарнизонном собрании на Докторском переулке, а купцы в Общественном собрании. Каждый летний „силь“ вызывал наводнение: наводнение 1888 г. заставило построить насыпь к востоку от лазарета, наводнение 1889 г. заставило поднять ее и протянуть за Кочанскую дорогу. Нечистоты сваливались в поглощающие колодцы или перебрасывались на соседние пустыри.

Первым делом по упорядочению города было устройство галечного шоссе: по Офицерской ул., от конца Офицерской

по эспланаде, длиною в 300 саж., от д. начальника области до нынешнего здания музея, оттуда до Скобелевской площади и от Базарной улицы по Левашевской до Гауданского шоссе, длиною 560 саж. (д. д. 5360, 9834 и 9849).

Второе большое дело в городском хозяйстве было водоснабжение. С затратою 10170 р. за год были произведены следующие работы: у водоразборного бассейна уничтожена зловонная лужа устройством поглощающего колодца и под краном сделана каменная мостовая; провели трубы и устроили второй водоразборный бассейн на Скобелевской площади; назначили заведующим ирригацией инженера Цимбаленко, отбывавшего в это время воинскую повинность в стрелковом батальоне (д. № 3793).

Недостаток воды, подаваемой арыками и кяризами, навел начальника области на роковую мысль добыть артезианскую воду. Инженеры Успенский и Поклевский-Козелл тщетно указывали ему, что наслоение и угол падения горных пород не оставляют никакой надежды на артезианскую воду, что практичнее протянуть кяризы до предгорий, собирающаяся на которых вода, в виде снега, дождя, туманов и рос, спускается в слой гравия и идет по нему, не опускаясь вглубь. Приказано представить смету—намечен расход в 68363 руб. д. № 3734); в дальнейшем будет видно, кто оказался прав.

Областные управления в мае были связаны телефонами со станцией железной дороги (д. № 7519).

11 августа была учреждена комиссия из 3 х домовладельцев, топографа, городского пристава, зав. ирригацией и представителя жел. дороги, которой было поручено проверить права на владения, составить роспись городских доходов и расходов на 1891 г. и представить соображения о нуждах города на шоссирование, канализацию, освещение и очистку нечистот (д. № 3511).

К концу года она закончила свою работу, результатом которой было: закрепление за жел. дорогой полосы в 15 саж. шириною во всю длину полосы отчуждения, к северу от нее; закрепление за военно-инженерной дистанцией 23 участков и за военно-народным управлением 7 участков; выдача документов на владение 161 домовладельцу; отобрание 82 участков незастроенных; составление сметы на 1891 г. с приходом в 19252 р. и расходом в 20565 р. На отобранные участки поступило 75 заявлений об отводе от чиновников и офицеров, которые и были наделены по Мервской, Топографской и Козелковской улицам; неслужащие татары, армяне и персы получили пустырь от Мервской до Железнодорожной, а русские между Мервской и Таманской. Отводимые участки были обложены сбором в 5 коп. с кв. саж. на благоустройство города (д. № 3514).

С осени началась организация питомника близ Кеши. Запрошен был садовод Черноглазов, заведывавший культурными работами в Мургабском имении, который дал характеристику всех имеющихся в области древесных пород и прислал проект фруктоводства и виноделия. В течение всей зимы выписывались семена, саженцы и сеянцы, а с весны 1891 г. началась разбивка питомника (д. № 4339).

В марте приступили к постройке дома для школы садоводства, израсходовали 2533 р., но два раза приемная комиссия браковала постройку (д. № 9871).

Заведывать школою поручили городскому садовнику Баграмову и посадочным материалом школы до осени успели обсадить площадь, отнеся на следующий год обсадку улиц (д. № 4357).

Ирригацию и шоссирование улиц решено производить под наблюдением технического комитета из инженеров, один из которых Маевский высказался против всех коллег за рытье артезианского колодца, который, по его мнению, должен дать, при 250 саженой глубине, 200.000 ведер в сутки (д. № 3816).

До разрешения этого вопроса ограничились проведением канавы от Кеши до города и вводом воды из нее в Лабинскую улицу (д. д. № № 2185 и 3823).

Шоссирована Мервская улица от Анненковской до Зюльфагарской (н. Гоголевская) и по Зюльфагарской до Левашевской (д. № 2179).

С начала года арендовали дом для оспенного отделения (д. № 1146), а с осени и для приемного покоя (д. № 5532). Арендванный у Джафара Мамедова дом, пришлось весь перестраивать и с 1 января 1892 г. начал функционировать этот первый зачаток городской больницы.

Двуклассное городское училище еле влачило свое существование на сборы со спектаклей, пожертвования взамен визитов и не побрезговало отобрать у комитета по постройке армянской школы деньги, собранные на эту цель. Армянам пришлось через католика вытребовать свои деньги (д. д. № № 6725 и 18235).

Зато с нового—1891 г. на улицах Асхабада впервые появилась полицейская форма на полицмейстере, приставе и городских, которых до июля заменяли, командированные от войск, 37 расторопных унтер-офицеров (д. № № 6878 и 18203), а 16 ноября появилась и арестантская при уездной полиции (д. № 9881).

Но, когда начальник области запросил от этой полиции сведений о населении города, то цифры были даны с потолка (д. № 9740),— всего насчитали 6669 мужчин и 1828 женщин. Цифры эти доверия не внушили и 18 декабря была организована комиссия для производства однодневной переписи. Для комиссии был вычерчен план, на котором значилось 152 кварталов на 49 улицах и переулках. Дома снабжены номерами, жители оповещены о предстоящей переписи и выработаны формы переписных карточек. Счетчики работали добровольно и бесплатно. Самая перепись была произведена в ночь с 29 на 30 мар а; в результате оказалось мужчин — 8411 — гражданского населения и 4888—войск и женщин 3784 (д. № 6537).

Распределение населения:

а) по подданству

	М.	Ж.
Русских	10021	3481
Иностранных	2442	303

б) по вероисповеданию:

Православных	5617	1668
Католиков	1041	64 (939 м. в воинск. частях).
Армяно-григориан	956	324
Суннитов	1618	869
Шиитов	2596	568
Бабистов	70	30
Остальных	562	261

в) по семейному состоянию:

Женатых и замужних	4829	2078
Вдовцов и вдов	195	311
Холостых и девиц	7404	1353
Живущих врозь	33	24
Разведенных	5	18

г) по национальностям:

Русских	5718	1688
Персов	2329	470
Татар	1639	988
Поляков	1041	64
Армян	957	322
Евреев	229	85
Немцев	192	96
Хивинцев	141	11
Грузин	39	2
Туркмен	28	8
Турок	27	—
Сартов	17	11
Курдов	16	2
Чиркесов	15	—
Чеченцев	13	—
Лезгин	10	—
Болгар	9	4
Греков	8	—
Молдаван	5	1
Бухарцев	4	4
Осетин	3	—
Французов	2	7
Ита-льянцев	1	1
Англичан	—	2

Цифры переписи дают точное соответствие поляков и католиков и показывают рубрики хивинцев, бухарцев, сартов и туркмен, руководствуясь подданством и вводя несуществующую нацию сартов. Но и в таком виде они ценны, как первый опыт регистрации населения.

Перепись выявила попутно наличие в составе населения значительного количества беженцев из России, загнанных в Закаспий голодом 1891 г., и невероятное санитарное состояние караван-сарая, где ютились сезонные рабочие—персы.

Расплата не замедлила: страшная индийская гостья-холера, в феврале косившая людей в Герате, быстро шла к границе. 12 мая она была уже в Мешед, а 6 июня в Асхабадском местном лазарете умерло от холеры двое. Все принятые меры: установление карантина, чистка города, оказались бессильными и заболевания продолжались, а в ночь с 22 на 23 июля больных не успевали принимать в больницы: за 3 дня до 26 июля заболело 661 и умерло 340 человек. Ливни 30 и 31 июля оборвали эпидемию и 7 августа зарегистрирован последний больной. Для поддержания бодрости в населении запрещено было закрывать лавки и по вечерам в трех местах по городу играли оркестры военной музыки. После умерших, по большей части бедняков, остались многочисленные вдовы и дети, призрение которых выпало на долю благотворительного общества. Получив в свое распоряжение 13.000 р., собранных в прошлом году по области на голодающих, устроили бесплатную столовую, отправили многих на родину, а для сирот открыли приют (д. № 6062) в пожертвованном доме (д. № 6736). Жизнь замерла и на год оборвалось одно благое начинание—устройство областной библиотеки. Еще в свою поездку в 1891 г. в Петербург, начальник области везде, где мог, выпрашивал для нее книг; весной 1892 г. книги стали прибывать и вместе с ними художник Каразин прислал свою картину „Бой русских с иомудами под Чандыром“, с багетной рамой.

Разобрать поступающие материалы было поручено секретарю статистического комитета Каргоплову, но холера застигла его на работе (д. № 1154).

Холерная эпидемия 1892 года г., унесшая много жертв и разредившая население города, так как многие бежали на родину из-страха перед грозной гостьей, а многих отправили в Россию за счет благотворительного общества, грозила и на 1893 г., теперь уже из Закавказья. Санитарные комиссии, по-

делив город на 10 участков, произвели чистку города от той ужасающей грязи и вони, которая продолжала существовать во дворах, закрыла колодцы, вырытые рядом с помойными ямами и отхожими местами, и очистила кяризы (д. № 3547).

В связи с холерой-же, приказчики галантерейных и мануфактурных магазинов сделали первый робкий шаг к улучшению своей участи: в целях поддержания бодрости и духа у населения начальство запретило закрывать лавки, в виде компенсации за это, приказчики обратились с просьбой к начальнику области о закрытии лавок в воскресные и праздничные дни до окончания богослужения, согласно закону; просьба была уважена (д. № 11223) и между приказчиками началась агитация за целыйдневный праздничный отдых, но для достижения этой цели потребовалось целых три года.

Холера-же послужила косвенной причиной приведения в порядок областной библиотеки. Заведывающий ею Каргополов почувствовал первый приступ во время занятий и, не заперев шкафов и не составив описи вынутых из тюков книг, ушел в квартиру и скоро умер. Назначенный на его место Михайлов, потребовал назначения комиссии для приема библиотеки; она работу произвела и в д. № 7849 сохранилась точная опись библиотеки, рисующая ее, как случайный подбор жертвованных книг, среди которых ценные и редкие научные издания чередовались с учебниками для начальных школ.

В ночь с 3 на 4 декабря 1892 г. год од пережил несколько беспокойных часов: в целях искоренения курения терьяка, по приказанию начальника области, подполковник Калитин во главе целого отряда из 6 офицеров, 22 коных туркмен-милиционеров и 140 пехотинцев произвел облаву в лавках, домах и кирпичных сараях. Результаты оказались до комичного ничтожными: задержано 37 терьякешей и 3 фунта опиума (д. № 5562).

Другие отравители-трактирщики жалобились в этом году на свое тяжелое положение: их обложили в доход города сбором в размере 30—80 р. с каждого; об отмене этого налога они просили, ссылаясь на то, что их много, а потребителей мало: администрация пьет в военном собрании, купцы и средние служащие в общественном клубе, нижним чинам вход в трактиры запрещен, а коренное население—не пьющее. Несмотря на столь веские доводы, им пришлось помириться с отказом (д. № 5393).

Духовные запросы населения удовлетворялись лучше, чем в предыдущие годы. Из отчета инспектора школ видно, что в Асхабаде функционировали следующие учебные заведения: 1) городское начальное училище в составе 2 классов со 105 учащимися, двое из которых туркмены; при училище два ремесленных отделения, 2) женское двухклассное с 5-летним курсом и 33 ученицами, 3) частное одноклассное, содержимое Людничкой, где обучали и новым языкам 23 учащихся обоего пола, 4) армянское церковноприходское одноклассное с совместным обучением 65 детей, 5) частная школа грамоты Соколовой с 11 учениками, 6) три мусульманских школы с 61 учащимся, в том числе 2 девочками и 7) еврейская школа—12 мальчиков и 1 девочка.

31 января была открыта воскресная школа для взрослых (д. № 5833). 17 мая был представлен на утверждение устав музыкального общества, утвержденный 11 августа (д. № 6063). Представленное Гуляевым, Голиковым и Ольхиным прошение о разрешении о-ва велосипедистов получило, благоприятный ответ только 5 апреля следующего года (д. № 6063).

Открытая в предыдущем году, школа садоводства в Кеши числилась на бумаге и только в 1893 г. она начала функционировать: набрали 9 русских и 4 туркменских мальчиков в возрасте от 11 до 15 лет и поместили их в кибитке, а с наступлением холодов вырыли землянку; одели их, купили учебников, пригласили учителя Посонского; вырыли колодец, купили лошадь и ассигновали на содержание школы 5650 руб. в год. Представлен проект постройки здания школы и устройства метеорологической станции (д. №№ 4877—4800).

Проводка воды по арыкам была закончена на всех улицах и потому весь год шла обсадка улиц и площадей: обсадили Асхабадку таловыми кольями, на Кочанском шоссе высадили 1027 деревьев, на площадках посадили 3400 деревьев, но жители относились к этой затее начальства неодобрительно—по одному Мервскому шоссе пришлось в орочино посадить 400 деревьев вместо вырванных и сломанных; нависшие нижние сушья пришлось обрезать городскому садовнику, так как по установления об этом не отдали и граждане не считали это для себя обязательным; посадку у домов владельцы стали производить только после того, как непосадивших оштрафовали на 2 руб. и предупредили, что весной начальник области лично об'едет все улицы (д. №№ 4391, 4392, 4399 и 4394). Последняя угроза была самой действительной, так как горожане помнили еще последний об'езд города генералом Комаровым, который останавливался у каждого необсаженного дома, вызывал владельца и поручал казакам своего конвоя внушить ему пользу и гигиеничность древонасаждения.

Со времен холеры повелось три раза в неделю высылать оркестр военной музыки для игры у интендантского управления в садике, куда по вечерам и собиралась публика на прогулку. Этот сад и теперь существует при д. № 10 по улице Фрунзе. Но 7 июля чиновник особых поручений Меранвиль-де Сен-Клер вошел с докладом о переносе музыки в городской сад, мотивируя это тем, что в тот сад, где она теперь играет, набираются солдаты и прислуга, настолько не стесняющиеся в выражениях, что отбивают "чистую" публику (д. № 4385).

5 ноября в 19 ч. 6 м. город пережил первое землетрясение: толчек, продолжительностью в 30 сек. в направлении с 3 на В силою в 4—5 баллов, произвел ряд трещин в крупных зданиях; в 19 ч. 45 м. он повторился с меньшею силою в обратном направлении. Данные землетрясения отмечены были сейсмографом на метеорологической станции. Ни человеческих жертв, ни разрушений зданий землетрясение в Асхабаде не произвело и через 2 дня выяснилось, что оно было слабым отголоском тектонического землетрясения по ту сторону Копет-Дага, повлекшего разрушение г. Кочана и селений на протяжении радиусом в 150—200 километров—там погибло свыше 8000 человек и много скота; движения почвы продолжались еще в течение 10 дней, направляясь с 3, (д. № 7853).

Переполюх, вызванный землетрясением, не помешал духовному торжеству: 8 ноября 1893 г. была освящена церковь во имя Михаила Архангела, построенная в 100 саж. от выступа крепостного вала. Постройка производилась на средства Военного Министерства и обошлась свыше 100.000 руб. (Обзор Закаспийской области 1890—1896 г. г. стр. 264).

22 ноября открыла свои действия комиссия по разграничению с Персией на основании концессии от 27 мая 1893 г., по которой за уступку с. Хиссара к России прирезывался участок с. с. Фирюза. Переговоры об этом велись с целью предотвратить Асхабадскому начальству и семьям служащих, изнывавшим в городе от жаров, место для летнего отдыха. Проработала она до конца 1894 г., когда проведение границы в натуре было закончено (д. № 4092) и начальство могло приступить к постройке дач на облюбованных заранее местах: первой ласточкой был подполковник Губер, подавший прошение об отводе участка еще 15 июля, за ним потянулись: помощник начальника уезда, старший врач 2 батальона, инженер Степанов, благочинный военных церквей, старший ад'ютант бригадного управления, подполковник фон-Клодт и к 8 декабря набралось уже 49 прошений, исключительно от военных, чиновников и духовенства. С осени началась работа по шоссированию дороги от города до Фирюзы. Прежнее персидское население Фирюзы было удалено и для мусульман оставлено только несколько участков (д. № 3567).

В течение 1894 г. город по внешности мало изменился: треугольник между Зюльфаргарской и Текинской улицами, служивший извозничьей биржей, был обращен в сквер, суще-

ствующий и теперь; замощены Текинская, Штабная и Ставропольская улицы и Скобелевская площадь и куплено 216 новых уличных фонарей.

Городской бюджет вырос до 47454 р., при чем появились новые статьи расходов 500 руб. пособие на женское училище и 300 р. на содержание ремесленного класса, первые расходы на культурные нужды (д. д. №№ 3554, 18747, и 18762).

Пристройка к 2-х классному городскому училищу дала возможность открыть 3-й класс и довести число учащихся до 141 (д. № 5839).

Школа садоводства в Кеши существовала на крайне ограниченный бюджет в 5650 р., началось обучение практикантов русскому яз., производство метеорологических наблюдений и выработка грены (д. № 4665).

Работавшая с 28 января комиссия для организации областной библиотеки, составила положение и каталог. Из 10.000 поступивших книг 1368 переданы в войсковые части, 448 в школы, внесено в каталог 3387, остальное неразобрано.

По каталогу значилось книг: изящной литературы 651, естествознания и медицины—463, богословия, философии и педагогики—385, техники и хозяйства—371, справочных и периодических 308, военных—271, политических наук—253, истории и географии—325, остальные—азиатского отдела. Выдача книг была платная взнос от 2 до 4 руб. в год, смотря по количеству получаемых для чтения книг. Предполагалось к выписке на 1.000 руб. (д. № 5845).

Разделение книг на группы достаточно характеризует кустарничество составителей каталога, но шагом вперед было уже то, что библиотека сбыла хлам и начала обслуживать население.

Осенью город удостоил своим посещением Бухарский эмир. Возвращаясь с Кавказа, он заехал на один день в Асхабад и начальство лезло из кожи вон, чтобы достойно принять дорогого гостя. На вокзале выставлен почетный караул с музыкой и все чиновничество в полном параде. Начальник области провез в своей коляске по всему городу эмира; впереди и позади коляски скакал почетный конвой из казаков и туркмен. В поле около Кеши был разбит шатер, у входа в который городское училище встретило эмира хоровым пением. Прделаны были маневры и джигитовка. Около цирка на Мервском проспекте церемониальный марш всего гарнизона. Обед в доме начальника области и торжественные ночные проводы.

Так провел Асхабад 21 сентября.

Остальная часть города была специфически окрашена сменой царствования: 20 октября вечером была получена телеграмма о смерти Александра III. Поочередно сменялись: панихида по умершем, присяга новому, молебен по случаю его брака и, наконец, в начале декабря начальник области поехал в Петербург возлагать венок на гроб предпоследнего императора.

К этой поездке содержатель типографии Федоров приурочил прошение о разрешении ему издавать в Асхабаде газету "Закаспийское Обозрение" в духе "преданности престолу, отечеству и правительству". Идею эту Куропаткин признал полезною и обещал содействие, которое увенчалось успехом. 27 декабря телеграммой из Петербурга сообщено, что издание разрешено с выходом 3 раза в неделю под цензурою начальника штаба области. Первым редактором был назначен Родзевич. Газета расходилась плохо: подписчиков оказалось всего 200 человек и в конце февраля издатель обратился с просьбою о субсидии. Начальник области разрешил выдавать по 250 р. в месяц; из них $\frac{1}{3}$ редактору, $\frac{1}{3}$ издателю и $\frac{1}{3}$ сотрудникам. Но уже 1 марта редактор подал заявление, чтобы издателю выдавали только его треть, а остальные не через него, а прямо редактору и сотрудникам, так как он Федорову не верит. Но эта субсидия была 25 апреля отменена Главным Штабом и пришлось ее заменить распоряжением: обязательно печатать в газете все казенные объявления. Родзевич сбежал

и Федоров был назначен временно редактором. С 1895 г. газета стала выходить ежедневно, а с 1897 г. получила, наконец, субсидию в 3000 р. в год, обратившись в заурядные "Губернские Ведомости" (д. № 6570).

С 1895 г. начинается жизнь по инерции: энергия Куропаткина, видимо истощалась; засиживаться дольше в Закаспии не имело смысла в видах карьеры и местное начальство, не получая подталкивания, стало жить со дня на день.

Более интенсивной жизнью жила только школа садоводства в Кеши. Обучалось в ней 18 учеников, наполовину туркмен, наполовину русских (д. № 4887); окончило курс 5, в том числе 3 туркмен, двое из которых посланы в Байрам-Али, один поступил садовником на жел. дорогу (д. № 4890). Гребная станция выработала 8 ф.н. грены, отпущенной населению по цене 5 к. золотник (л. № 8240). Акклиматизационная станция производила опыты над рожью (в целях выяснения, не двухлетнее ли растение—рожь) озимой пшеницей, соевой, африканским рисом (не требующим большой поливки), овсом, яровой пшеницей, ячменем, кукурузой, ворсянкой, горохом, виной, соей, земляными орехами, картофелем, льном, клецвиной, акаций, кендырем, сахалинской гречихой. Попытки разводить чайное дерево, рами, лавр, мирт и эвкалипт оказались безуспешными (д. № 8249). Пробовали неудачно разводить смородину, малину и клубнику и окончили на том, что разбили на одной десятине образцовый виноградник (д. № 4421). Для этого своего любимого детища Куропаткин исходатайствовал в департаменте земледелия субсидию в 1500 р. на 1895 г. и по 3500 р. на 1896—1911 года (д. № 4891).

Городское 3-х классное училище с 1 июля преобразовано в 4-х классное (д. № 5839).

Детский приют принят в ведомстве учреждений императрицы Марии и было учреждено попечительство из высшего чиновничества для заведывания им.

Число призваемых детей колебалось от 16 до 19 и целью их содержания была подготовка мальчиков в ремесленники, а девочек в услужение; на лето с июня по август приют вывозился в Фирюзу (д. № 6070).

Развитие торговли и хлопководства, вызвавшее значительные денежные обороты, побудило Государственный Банк открыть 19 января свое отделение в Асхабаде, которым в течение года произведено оборотов на 18 $\frac{1}{2}$ миллионов руб.

Окончательный перенос кладбища на ныне занимаемое им место вызвал курьезную переписку: благочинный представил проект правил содержания кладбища, в котором места расценивались в зависимости от близости к часовне; уездный начальник опростовола эту расценку и предложил назначить одинаковую плату; благочинный тогда все же настоял, чтобы под бесплатные места отводился самый дальний участок кладбища. Первым обеспечившим себе ближайшее место к святыне оказался железнодорожный служащий Антипин, пожертвовавший 2000 р. на постройку часовни (д. № 2417).

В тихое и безмятежное житие города внесли разнообразие только два землетрясения. 5 января в городе отозвалось вторичное землетрясение в Кучаге, окончательно разрушившее этот город. 27 июня 2 ч. 25 м., пополуночи город встряхнуло по направлению к 3 землетрясению, разрушившее Узун-Ада, где осела почва, образовались трещины, из которых била вода, и море затопило базарную площадь и бараки. Рельсовый путь от Узун-Ада до Казанджика был настолько разрушен и искоренен землетрясением, что несколько дней было прекращено движение поездов; все железнодорожные помещения на этом участке были более и менее разрушены.

Эти землетрясения заставили созвать технический комитет, который и выработал правила о мерах предохранения зданий от землетрясения, не утратившие значения и поныне (д. №№ 10053 и 10049).

Усиленно шла подготовка к двум крупным событиям: собирались экспонаты для всероссийской выставки в Нижнем

Новгороде 1896 г. и тщательно сортировался состав делегации от области для участия в коронационных торжествах.

Местная пресса пополнилась новым органом: бесплатными еженедельными „Известиями обществ потребителей и велосипедистов“, разрешение на выход которых получено 6 марта 1896 г.

„Закаспийское Обозрение“, несмотря на свои верноподданические чувства, подвергалось целому ряду жупелов. 26 января главный начальник по делам печати прислал предостережение, что при первой жалобе начальника области на редактора Федорова газета будет приостановлена. Головоломка от начальства попала по жалобе инженера Цимбаленко за перепечатку его работы без имени автора, а потом за напечатание точных цифр гарнизонов области в объявлении о торгах. Редактором с 21 июня назначен священник Танашевич.

2/VII запрещено печатать о беспорядках на фабриках, а 19/VII о событиях на Ходынке. Но издатель не унывал и возбуждал ходатайство о выпуске газеты с нового года ежедневно с ежемесячным иллюстрированным приложением.

„Верноподданические“ чувства проявляли и гарнизон, и население: на икону в память Александра III служащие и население собрали 5.517 р. (приказ по Закаспийской области № 178), документы умалчивают лишь о способах сбора. А редактор „Закаспийского Обозрения“ свящ. Танашевич организовал сбор на постройку церкви в память коронации и 16 июня подал уже прошение об отводе участка на углу Мервской и Зюльфагарской для постройки этой церкви.

Такое рвение возбудило сомнения даже в начальнике области, который раньше отвода участка предложил выяснить сумму пожертвований, чтобы убедиться, что просители готовы от слов перейти к делу (д. № 3610). Денег, разумеется, не собрали и в 1899 г. обратились в синод с ходатайством о пособии, которое было отпущено, но не на церковь, а на церковно-приходскую школу (д. № 10067). Церковно-приходская школа эта была открыта св. Танашевичем еще 19 ноября 1895 г. в д. Шахназарова (угол Мервской и Кирпичной) для бесплатного обучения; возникла переписка о самовольном открытии этой школы, но когда попечитель Кавказского учебного округа сообщил о неимении препятствий, то было отпущено 500 р. из запасного заемного капитала на наем более удобного помещения по Садовой ул. в д. Осокиной; учащихся к концу года оказалось 70 и Танашевич представил смету в 2.000 р., в счет которой отпустили 1.500 р. (д. №№ 5850 и 18478).

28 января открыта русско-туземная школа для детей милиционеров туркменского конно-иррегулярного дивизиона. Учителя выписали из Ташкента с платой по 50 р. в месяц, а на продовольствие каждого ученика отпускалось по 2 р. 50 к. в месяц (д. № 5857).

22 февраля бабисты просили разрешения открыть начальную школу для обучения их детей русскому персидскому и арабскому языкам. Разрешение получено 18 мая и с 15 ноября назначен учитель Агабаев (д. № 5859).

Крайнее переполнение городского училища вызвало еще в 1895 г. отказ в приеме 15 учеников и инспектор просил открыть еще один класс. Но в это время шла уже переписка с Петербургом об открытии мужской прогимназии и Мариинского женского училища, основываясь на том, что у всех офицеров и чиновников области 82 мальчика и 59 девочек школьного возраста, а всего по области нуждается в среднем образовании до 700 детей.

16 января был утвержден штат прогимназии и 10 сентября в ней начались занятия при 73 учениках в наемном доме Арутюновой (уг. Зюльфагарской и Топографской). Городское училище продолжало существовать, получая на свое содержание 4915 р. в год (д. д. №№ 5849, 5858, 5864, 18472).

Общественная библиотека при новом заведующем Владимирове пополнилась, к новым поступлениям, так и внесением в инвентарь, лежавших в кладовой, книг; составлен инвентарь, переделан каталог и в вечерние часы начался отпуск книг для чтения (д. д. № 1193 и 5853). Помещалась она в доме Саруханова (уг. Мервской и Зюльфагарской) д. № 18477. Но видимо, она запросов публики не удовлетворяла и 15 августа Оганесов просил разрешения открыть библиотеку читальню с газетами на армянском и грузинском языках; за неимением в штате канцелярии начальника области лиц, знающих эти языки, в разрешении отказали (д. № 5863).

Городское хозяйство принялось изыскивать новые источники доходов: пероценочная комиссия из 16 членов обследовала недвижимые имущества и выявила их стоимость в 311 т. (д. № 2846), вшли с представлением об обложении 5-рублевым сбором велосипедов, сдаваемых на прокат, но этот сбор признан преждевременным (д. № 5417).

К городской больнице решено было пристроить правый флигель, собрав необходимую сумму из остатка кредита на постройку холерных барачков, из земских сумм и из экономической суммы больницы—всего 3.000 р. (д. № 10083 и 10077). Разрешено принять на бесплатное лечение туркмен сифилитиков (д. № 5589). Старший врач вошел с представлением о возобновлении прикомандирования молодых туркмен для обучения оспопрививанию, так как кадр обученных в 1890 г. истощился, а запрос на вакцинацию не падает и за 891—1895 гг. привита оспа 4489 человек (д. № 5596). Справочные цены на съестные продукты удержались на уровне предыдущего года (д. № 12731). Установлена плата за перевозку грузов арбаками (д. № 9437).

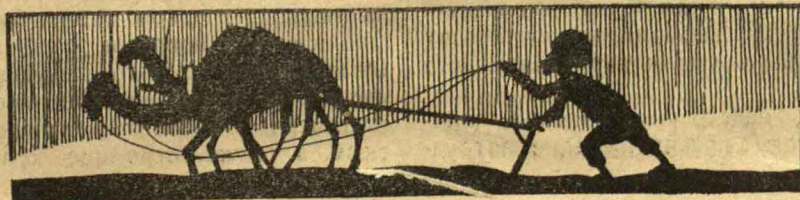
В водоснабжении продолжались пелады: воинские части нарушали порядок пользования водою, углубление арка на выездах из города на Таманской и Русской улицах оставило без воды ряд участков (д. № 3949). Плотины мельницы у с. Карадашах пришлось коренным образом переделать, так как прорыв ее грозил затоплением города (д. № 10075).

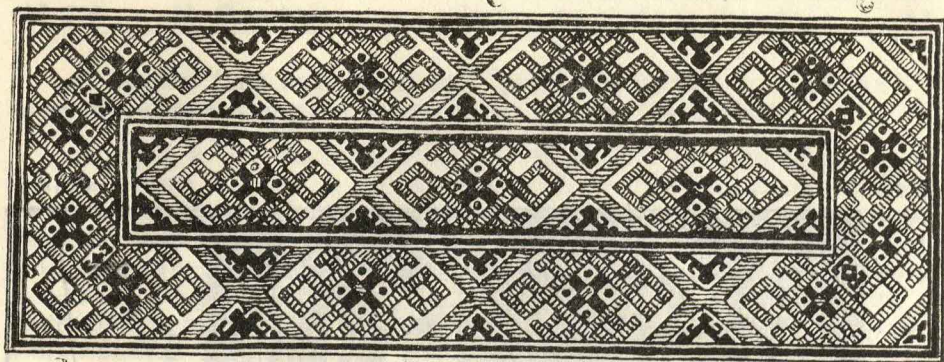
Водоразборный бассейн у лавок на Лабанской улице сделается источником неперсыхающих луж (д. № 2845). Технический комитет в чьих заседаниях рассматривал предложение инж. Цимбаленко о том, чтобы, во избежание потерь воды на фильтрацию и испарение, проложить чугунные трубы от истоков р. Асхабадки, что обеспечит 1.000.000 ведер воды в сутки. Комитет признал предложение неприемлемым, так как требовалась затрата 500.000 р.; проценты на эту сумму, издержки по эксплуатации и амортизации составят ежегодный расход в 65.000 р., а возможный доход не превысит 24 т. рублей. Проект отложен (д. № 3935).

Агитация приказчиков за праздничный отдых, начавшаяся еще в 1893 г. увенчалась наконец успехом: 2 ноября 14 торговцев согласились закрывать свои лавки в праздники, если все лавки будут закрыты, и 4 декабря такой приказ состоялся, хотя против него энергично протестовало потребительское общество, якобы в интересах покупателей (д. № 11239).

В конце года началась подготовительная работа к Всероссийской переписи населения, а 1-го января 1897 г. Куропаткин уехал, чтобы занять должность военного министра.

(Продолжение следует).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АШХАБАДА

Н. И. РОМАНОВ

III. 1897-1904 г.г. *)

С утверждением Куропаткина в должности военного министра, область приобрела нового хозяина в лице генерала Боголюбова.

Новый правитель, перешедший в устную историю Асхабада под именем „Баболубова“, не отличался организаторскими способностями и в „начинаниях“ был ограниченно-скудным человеком.

Единственным „памятником“ его пребывания в Закаспии осталось, изданное им, собрание копий ковров в натуральных цветах.

Приезд Боголюбова не внес никаких новшеств в уклад асхабадской жизни и „события“ продолжали вершиться „волею судеб“ по старому заказу.

Закончившаяся к началу 1898 года перепись населения установила, что в Асхабаде проживает 13963 чел. мужчин и 5465 женщин.

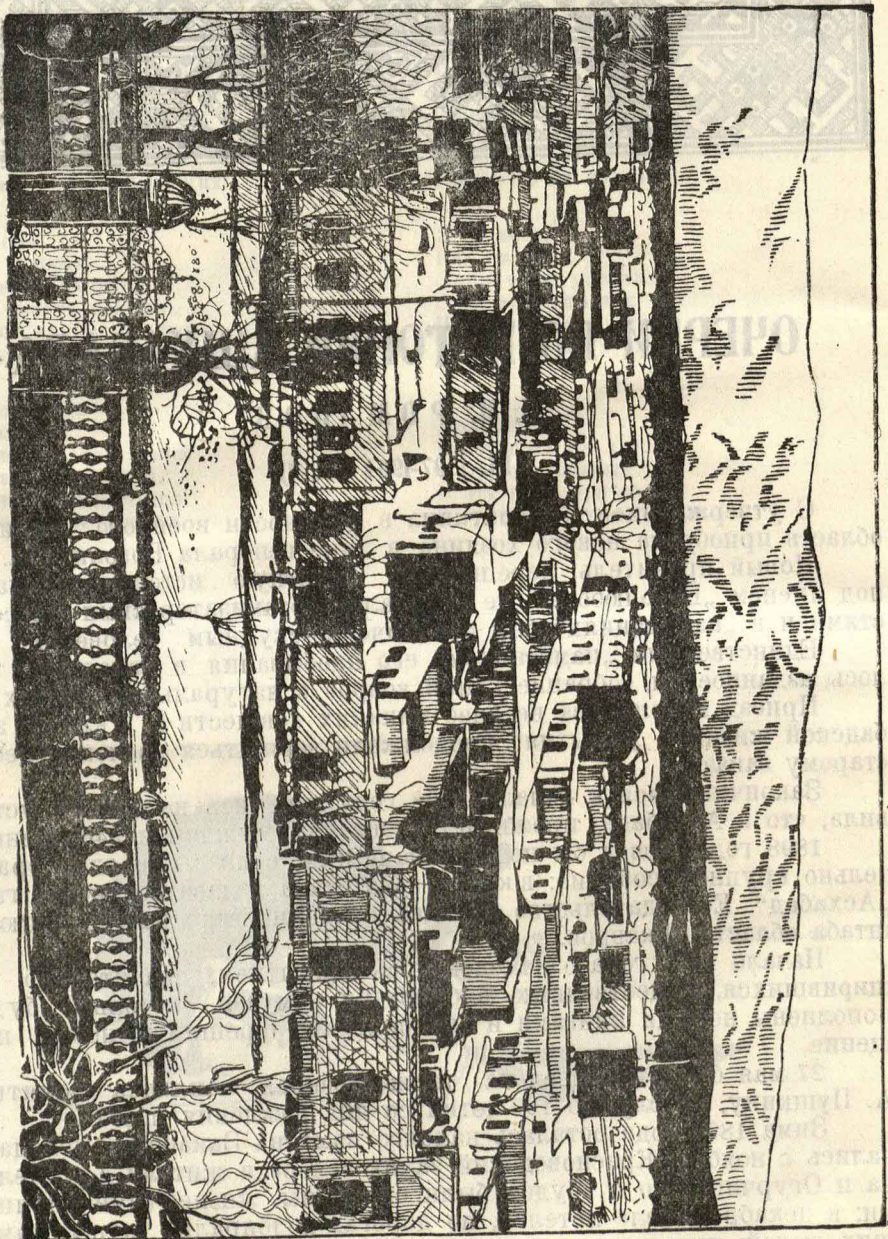
1898 год прошел бы почти незаметным, если бы не одно, сравнительно крупное, событие: в конце года стала издаваться новая газета „Асхабад“. Ее издательство и редактирование взял на себя адъютант штаба области Джавров.

Начало 1899 года ознаменовалось открытием, значительно расширившихся, общественных библиотеки и музея, которые, будучи пополнены новыми книгами и экспонатами, перешли в новое помещение.

27 мая была произведена торжественная закладка памятника А. Пушкину, по случаю 100-летия со дня рождения поэта.

Зима 1899 года осталась надолго памятна Закаспию: холода начались с ноября; Красноводский залив замерз и жители о. о. Челекена и Огурчинского с трудом были снабжены жизненными припасами; в декабре, после метелей, по дорогам подбирали трупы замерзших людей; пало от мороза огромное количество скота; люди замерзали в аулах, а 2 (15) февраля 1900 г. была отмечена самая низкая температура за все существование Асхабада—25,8° ниже нуля, по Цельсию.

*) продолжение. См. № 1 и 4 нашего журнала за 1927 год.

ШИРАЗАД ПОД ШИРАЗОМ.

С начала 1900 года наступил резкий перелом в „заботах“ о благоустройстве города и культурных нуждах населения.

Прежде всего, наконец, были предприняты решительные шаги к приведению Ашхабада в благообразный вид: домовладельцев обязали обсадить деревьями арки и иметь на домах вывески с обозначением № дома и фамилии владельца; владельцев караван-сараяв обязали вымостить дворы булыжником; владельцев гостиниц и меблированных комнат обязали иметь книги для записи приезжающих и уезжающих; на караван-сараях, лавках и других общественных зданиях обязали иметь фонари; запретили держать в городе скотопригонные дворы; отвели для свалок место в 2½ верстах за городом; перевели бойню на 150 саж. от зернохранилищ; запретили ночную езду велосипедистов без фонарей; окончили проверку прав на владение участками и установили наличие в городе 2144 домов; заключили контракт на организацию ассенизационного обоза из 6-ти бочек. Ускоренным темпом пошло и городское строительство: построили на базаре навес, лавки, и подвал для поселян, привозящих молочные продукты; построили Народный Дом, в котором открыли дешевую столовую, а по вечерам устраивали народные чтения и концерты. Рассмотрели и утвердили смету на устройство водоразборного бассейна на Базарной площади и в ноябре приступили к его постройке. Общественные библиотека и музей стали чувствовать себя стесненными в своем помещении. Было возбуждено ходатайство о постройке собственного, приспособленного здания.

Прогимназии в 1900 г., с открытием V-х классов, преобразованы в гимназии и разместились в собственных домах, — мужская гимназия в доме, занимаемом ныне ЦИК'ом ТССР, а водворе, фасадом на Левашевскую, двухклассное женское училище.

Мирное течение ашхабадской жизни, на которой ничем не отражались даже события мирового значения, в 1901 г. было нарушено.

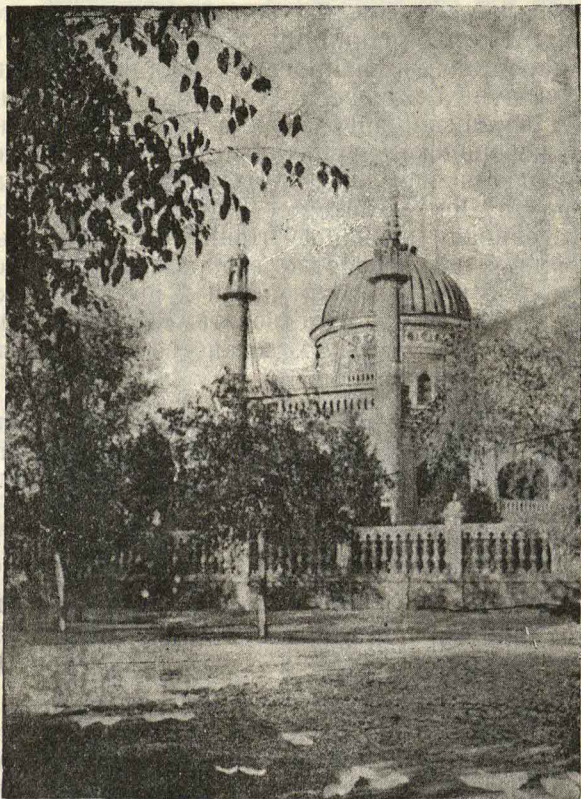
В апреле Боголюбов получил другое назначение и признательный город поспешил торжественно переименовать Кешинскую улицу в Боголюбовскую.

Вслед за этим „событием“ вскоре следовало другое: ливнем в ночь с 28 на 29 мая, когда горная вода в четырех местах прорвала дамбу и ринулась в город двумя потоками, доходившими по брюхо лошади, смыло заборы и некоторые дома, залило подвалы на Анненковской, Фонтанной, Новой, Русской, Боголюбовской, Стрелковой, Крымской, Ставропольской и Кирпичной улицах и Скобелевской площади. Наводнение, кроме переполоха, принесло много убытков.

Вскоре после этих событий Ашхабад был удостоен посещением военного министра Куропаткина, которого сопровождал Туркестанский генерал-губернатор. После этого посещения, которое доставило городу много тревожных хлопот, ашхабадская жизнь снова вошла в „мирную“ колею.

Осенью явился новый начальник области Субботич. Новый правитель сразу проявил энергичную деятельность, которая выразилась прежде всего в том, что он запросил Ташкент, — „не устроить ли в Ашхабаде укрепленный редут на случай восстания мусульман“, а затем предложил городу недозускать овладения землей инородцами и отдавать участки только офицерам и чиновникам.

С его приездом, город подвергся ряду „реформ“: вырубили пирамидальные тополя, запретили посадку тала и айланта, рекомендацию карагача, чинара и мужского тута. Древесный питомник и акклиматизационные посадки из городского сада были перенесены в школу садоводства, а сад передан в ведение городского садовника. По воскресеньям и четвергам в городском саду играла музыка с 7 до 9 ч. вечера, при чем нижние чины должны были удаляться в 6 ч., а учащиеся в 8 ч. Отменен за недостатком средств полуденный пушечный выстрел. Поднят и похоронен вопрос о введении в городе упрощенного городского управления.

Бехаистская мечеть в Ашхабаде.

Остальное шло своим чередом: городские постройки приходили к концу—водоразборный бассейн на базаре был почти закончен, памятник Пушкину получил чугунную решетку и 27 апреля передан городу; в Народном Доме устроен водопровод; построили арестный дом на Топографской; 21 января открыла действие, вновь построенная, городская больница при которой построили барак для тифозных.

В начале года возникла переписка о разрешении двух новых органов печати. 27 января некая Любимская подала прошение о разрешении издавать газету „Среднеазиатский голос“, но 3 февраля взяла его обратно. Издатель „Асхабада“ Джавров просил о разрешении издавать газету на фарсидском языке, под названием „Альмаариф“

в целях распространения между персидскими торговцами сведений о России и русской точке зрения в политике, в противовес английской печати. Персы выразили готовность оказывать материальную поддержку. 12 января начальник области препроводил это прошение в Главное Управление По Делах Печати с указанием на желательность такого издания, необходимость дать субсидию, чтобы газета не зависела от персов, и наличие в штабе корпуса сотрудников, хорошо знающих фарсидский язык. 22 июня Петербург запросил, знает-ли сам Джавров фарсидский язык, каково направление газеты „Асхабад“, и предупредил, что „надо опасаться влияния армян“. В сентябре ходатайство об издании было повторено и новым начальником области, но безуспешно.

Джаврова утешили новой ссудой в 2000 р., в счет заказов в его типографии канцелярией начальника области.

1901 г. был обилён созданием новых обществ. 12 февраля разрешено „Армянское Благотворительное Женское О-во“, которое 22 октября открыло детский сад. 20 июня инспектор гимназии Дейнеке организовал кружок любителей археологии и истории. 22 сентября возникло „Музыкально-Драматическое О-во“, 6 октября состоялось учредительное собрание „О-ва испытания лошадей“.

„Закаспийское Благотворительное О-во“ получило в свое ведение отстроенный Народный Дом.

Образовался фонд на постройку городского театра, который составил из поднесенных Куропаткину армянским обществом 1500 р.

В первой половине 1902 г., под напором Субботича, городское благоустройство сделало еще несколько шагов вперед: в мае запретили выпускать свиней на улицу, осмотрели сооружения, предохраняющие город от майских наводнений, осветили водоразборный бассейн на Базарной площади; в июне произвели осмотр бань и заведений искусственных минеральных вод и принуждены были закрыть те и другие, впредь до устранения антисанитарии. Ходатайство об устройстве при городской больнице отделений психиатрического и заразного и дезинфекционной камеры было в Ташкенте принято и составлена смета.

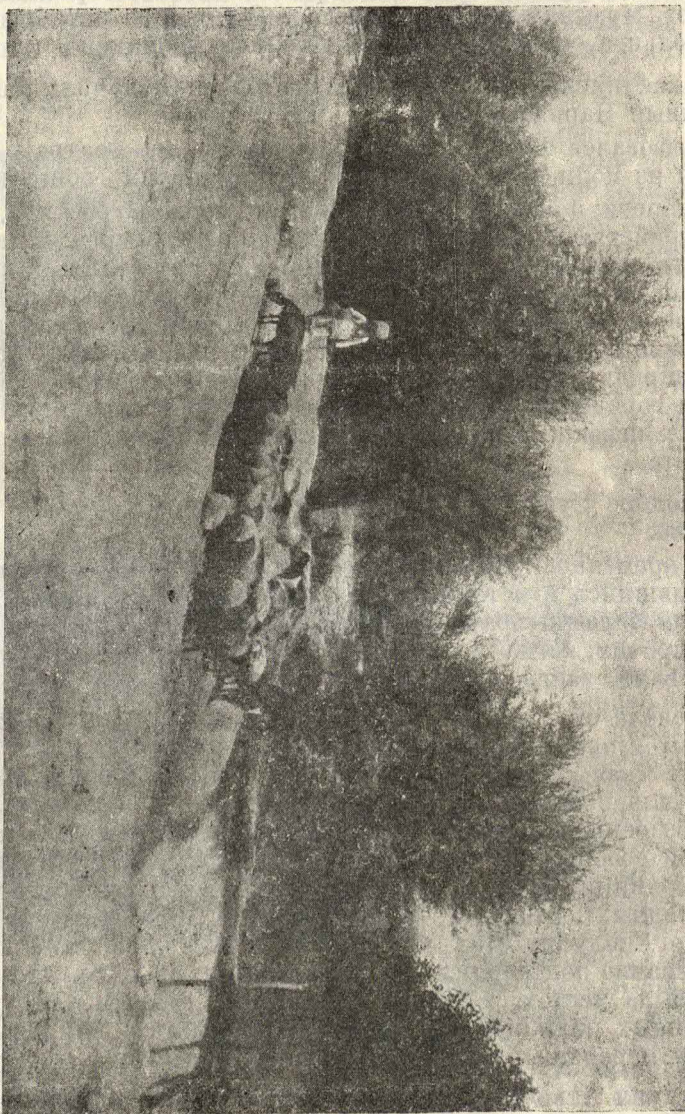
В ноябре Субботич уехал на новое место службы в Приамурский край.

Во временное управление областью вступил генерал Ковалев, прославившийся в истории Ашхабада тем, что, вызвав к себе под предлогом болезни врача Забусова, велел казакам высечь его розгами. Между прочим, когда в 1905 г. это вопиющее безобразие дошло до суда, Ковалев застрелился.

Ущелела его энергическая резолюция: „Воры грабят днем и на людных улицах, взламывая самые крепкие запоры. Подтянуть полицию, не стесняясь увольнением. Да и пора было: ходившие по городу, нелестные для полиции, слухи попали в печать. В 24-м № „Закаспийского Обозрения“ появилась заметка „Своеобразная забота о бедных“, в которой сообщалось, что и. д. полицеймейстера Ройнишвили и секретарь полиции берут на кутежи деньги из кружки с надписью „в пользу бедных“, стоящей в полицейском управлении. Ташкент и Петербург, получив этот №, запросили, насколько заметка справедлива. Дознание подтвердило не только факт, но и то, что кружка для бедных была местом, в которое опускали взятки за уничтожение составленных полицией протоколов. В результате виновных уволили, а кружку передали благотворительному обществу.“

Не чуял Асхабад, встречая в начале 1903 г. нового начальника области Уссаковского, что окончился патриархальный период отеческого попечения начальства и сыновей преданности подчиненных; не чуял и Уссаковский, что Асхабад—последняя станция его карьеры. Революционное движение получило в 1903 г. неожиданное подкрепление благодаря испрошенной главноначальствующим на Кавказе кн. Голицыным санкции на конфискацию армянских церковных имуществ—источнику денежной поддержки армянскому восстанию в Турции. Это распоряжение обратило всех армян в ожесточенных врагов тогдашних правителей России. Противоправительственная пропаганда, до

В ОКРЕСТНОСТЯХ АШХАБАДА.

сих пор тайком и с огромным риском проводившаяся через Кизил Арватское Железнодорожное Собрание, нашла теперь в каждом армянине помощника и укрывателя. Армянская масса, плохо разбиравшаяся в программах, видела одинаково в с.р. и в с.д. помощников в борьбе с существующим строем. Явочным пунктом приезжающих революционеров были „Харьковские №№“ на углу Таш-Кеprinской и Козелковской улиц, а конспиративная квартира—в д. Тертерьянц. Большого количества слушателей приезжему пропагандисту собрать было невозможно, поэтому холостые, имевшие отдельные квартиры, устраивали вечеринки с шампльком и вином, на которые приглашались только надежные люди, и среди них велась пропаганда.

Подходила к роковой развязке и дальне-восточная авантюра, которая должна была в корне подорвать престиж русской непобедимости и легенду о царс-отце подданных.

Но все эти грозные тени не омрачали асхабадского горизонта—1903 год по внешности ничем не отличался от своих предшественников.

Землетрясение, разрушившее почти до основания г. Андижан, напомнило, что Асхабад не гарантирован от землетрясений. Инженер Туманов был командирован в Андижан и представил чрезвычайно детхивное обследование разных видов разрушения зданий в зависимости от типа постройки. Комиссия из инженеров, с января по август, вырабатывала проект обязательного постановления о постройках, в целях ослабления действия подземных толчков, применительно к 8—9 балловой силе толчка. Мнение архитектора Арцимовича, что городу толчки такой силы не угрожают и что точное соблюдение правил строительного искусства и прекращение погони за дешевизной построек достаточны для безопасности зданий, осталось одиноким и 13 октября правила были утверждены.

С февраля по апрель шла переписка с Рехтзаммером, проектировавшим устройство и эксплуатацию телефона.

В марте комиссия по отводу участков, по докладу инженера Елистратова, признала необходимым удлинение нового кяриза, так как из Асхабадки и Кешинки поступало только 0,62 секундolitра на десятину городской земли и кяризы давали 21000 ведер в сутки, а суточная потребность в воде выражалась в 62400 ведрах, тем более, что в банях было запрещено употреблять арычную воду.

В июне возбудили ходатайство о переименовании укрепления Асхабад—в „город“, отвода ему в собственности земли и разрешении сдавать участки в аренду. Вызвано было это тем обстоятельством, что земля под городскими постройками считалась казенной и не подлежала ни аренде, ни продаже, а возведенные на ней постройки считались движимой собственностью—город не получал дохода ни с земли, ни с построек.

Много ломали себе голову в октябре по поводу напоминания из Ташкента, что каждый город должен иметь свой герб и свою историю. Исполнение возложено на начальника уезда. К осени этого же года относится начало переписки о постройке дома для канцелярии начальника области, переписки, являющейся типичным образцом бюрократического творчества, так как она тянулась до 1915 г. и, как нам известно, этот дом до революции так и не был построен.

Для местной прессы год был тяжелым. „Закаспийское Обозрение“, правда, получило свою 3000-рублевую субсидию, но на условии, что она будет делиться поровну между издателем, редактором

и сотрудниками, а, когда в августе Федоров подал прошение о продлении субсидии и на 1904 г., начальник области положил резолюцию: „можно обойтись и своими средствами, но если дадут „3.0“, то надо дать и „Асхабаду“. Программа приложений на персидском языке была в апреле утверждена и они стали выходить под названием „Меджмуз-Маверан-Бехри-Хазар“. У „Асхабада“ дело шло еще хуже: в субсидии отказали, а редактировать Джаврову не позволили, пока он на военной службе. В июле он попробовал фиктивно передать издание-редакторство отставному чиновнику Иванову, но получил отказ, так как „его кандидат к ответственной и постоянной работе негоден“. Тогда он передал издание своей жене, а редакторство другому отставному чиновнику Любимскому.

Здания среднеучебных заведений были расширены: в мужской гимназии пристроили 3 класса и физический кабинет, а в женской—вестибюль, приемную и 4 класса.

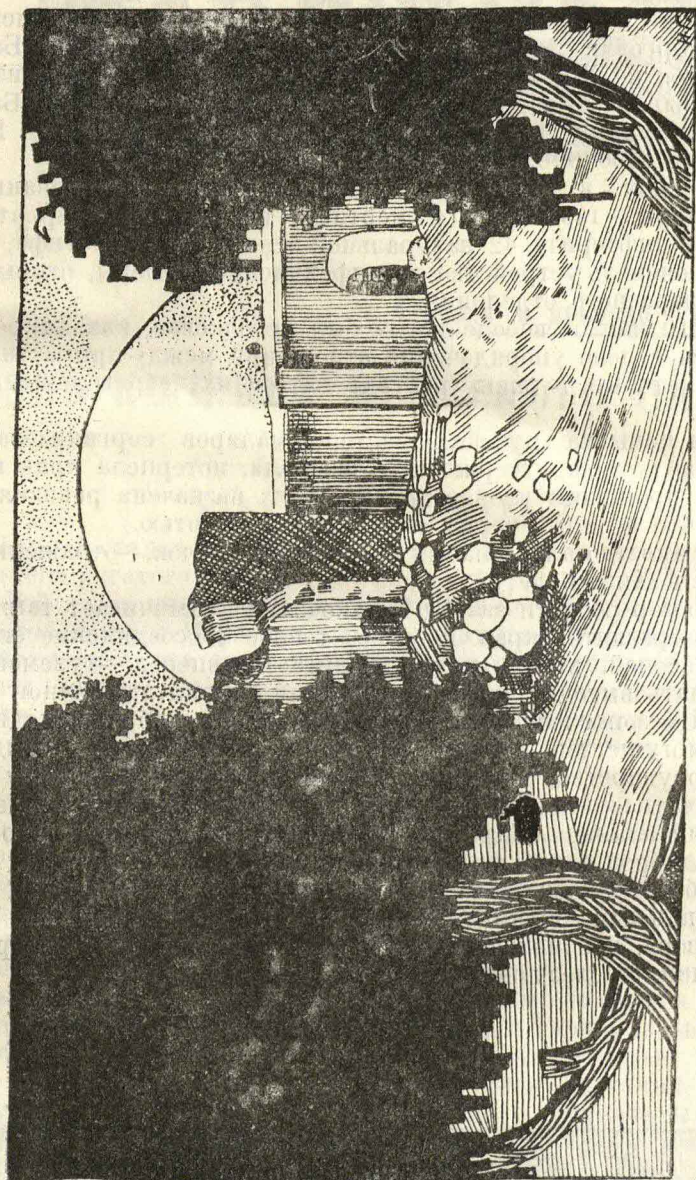
Достроенное здание для областного музея комиссия приняла 27 ноября.

1 апреля отведено для постройки 3-классного женского училища место, где теперь школа им. Луначарского.

В окрестностях Ашхабада.

В самые последние дни года настроение администрации было испорчено, поступившим 3 декабря, доносом некоего Драгункина, что в Кизил-Арвате, месяца 4 назад, старший маляр Степан Рыбалкин и токарь Василий Першин распространяли среди рабочих, полученные ими от проезжающих знакомых, газеты с воззванием к бунту на май 1904 г. На дознании Рыбалкин показал, что он неграмотный, газету нашел и давал мастеровым почитать, но, что в ней было, не знает. Першин отозвался полным незнанием. Хода делу не дали, хотя еще в июне Павел Макарович Дронов, старший оружейник ашхабадского артиллерийского склада, был за государственное преступление ли-

„МАЗАР“ (ДРЕВНИЕ МОГИЛЫ) В ОКРЕСТНОСТЯХ АШХАБАДА.

шен воинского звания и сослан на 6 лет под надзор полиции в восточную Сибирь.

Бесславная и тяжелая русско-японская война сказалась на Асхабаде только уменьшением отпусков и организацией сборов на санитарные поезда.

Население города в 1904 г. дошло до 36552 чел., без войск.

Для торговли имеются также данные: ввезено из Баку на 4.164.148 руб., из Хивы на 21232 р., из Бухары на 7115 р., из Персии на 873960 р.; вывезено в Персию на 1.543.461 р., в Баку на 28960 р., в Бухару и Хиву на 122241 р. и транзитом в Россию хлопка на 225700 руб. и шерсти на 108020 р.

В 1904 году в Асхабаде усилились заразные заболевания: 12 случаев холеры, 155 кори (4 смертных исхода), 36 скарлатины (7 смертей), 14 дифтерита, 42 натуральной оспы, 4 сыпного тифа, что поставило на очередь устройство дезинфекционной камеры, открытой 25 августа, и заразного отделения.

Закон 10 мая о свободе труда был истолкован, как запрещение вмешиваться в дело упорядочения отношений между приказчиками и хозяевами, которые должны регулироваться их добровольными соглашениями.

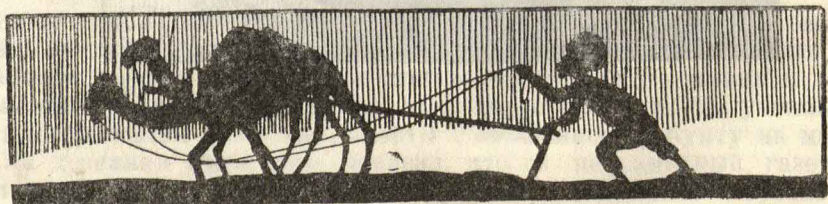
Первая попытка русских мастеров-маляров организовать в артель, устав которой утвержден 25 февраля, потерпела крах и 25-го августа, по прошению членов артели, была назначена ревизия, установившая, что артель умерла естественной смертью.

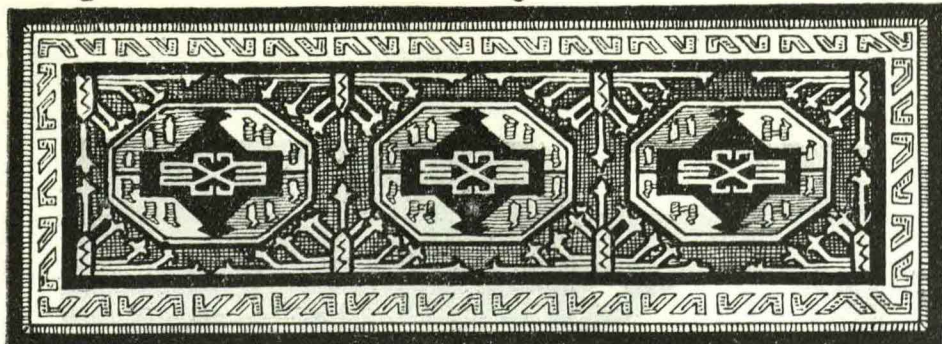
Летом чувствовался слабый подземный толчок, — отражение землетрясения в Хивеабаде.

Свой обзор области за год Уссаковский заканчивает так: „Экономическое развитие края и более тесное воссоединение его с остальной Россией, хотя и тихо, подвигается вперед, — туземец начинает сознавать выгоды нового положения, гарантию личной и имущественной безопасности, чувствовать себя не рабом, находящимся во власти могущественного покорителя, а равноправным подданным могучего государства, сознавать, что мирный труд, которому он постепенно учится у пришельца, дает ему гораздо лучшее обеспечение, чем прежний аламан... Надо постепенно завоевывать симпатию туземца, сеять доброе семя при посредстве школы и терпеливо ждать входов (Обзор Закасп. области за 1904 г.).

Официальным оптимизмом и благодушием пропитана каждая строчка обзора, и понятна становится та растерянность, которую генерал проявил в следующем году.

(Продолжение следует).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АШХАБАДА

Н. И. РОМАНОВ.

1905 год. *)

1905 год асхабадцы встретили, как и ряд предыдущих годов: верхние слои за бокалами в военном и общественном собраниях, хотя падение Порт-Артура могло бы заставить призадуматься; а нижние слои были рады необычно-мягкой зиме—к новому году зацвели миндаль и фиалки.

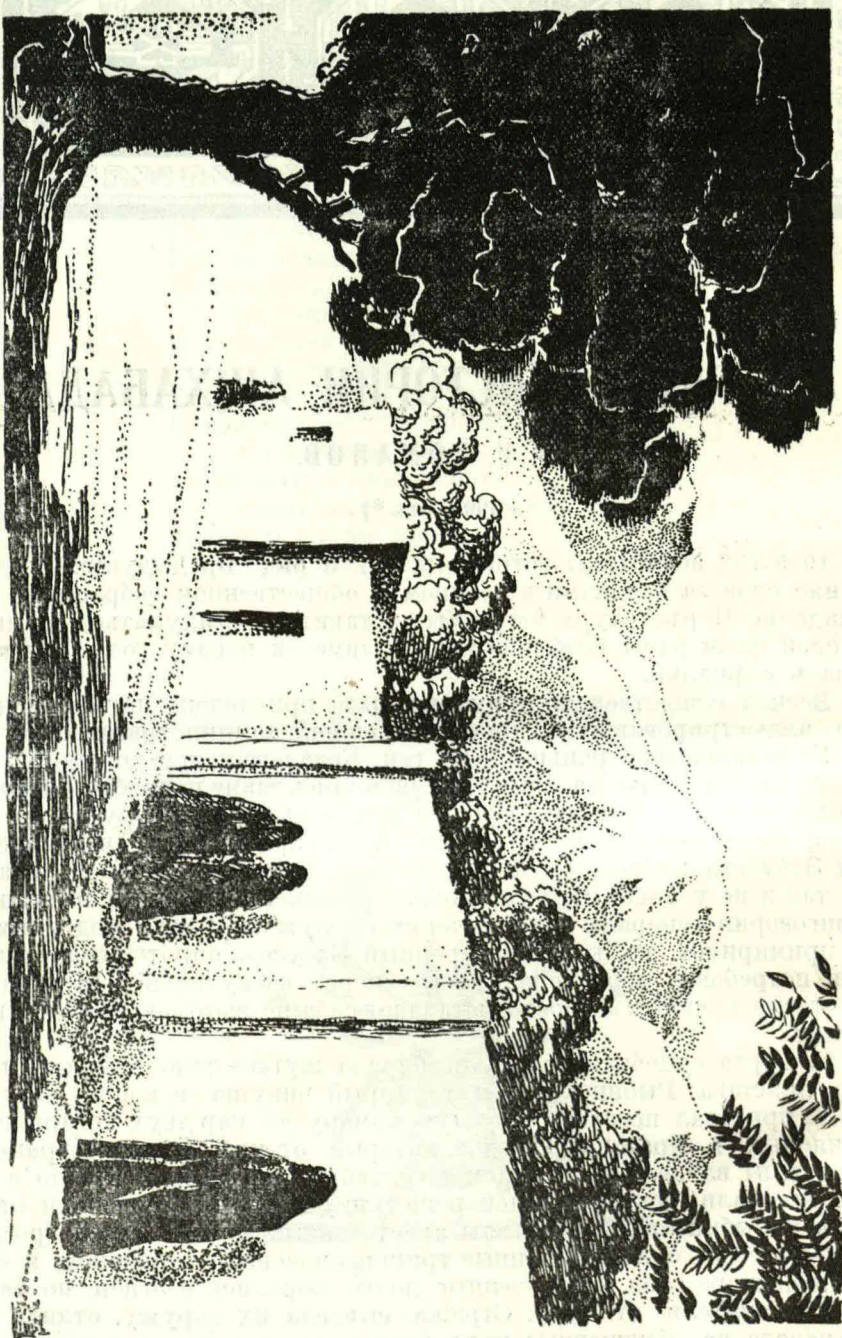
Весной общественное внимание было привлечено двумя процессами, иллюстрировавшими нравы тогдашней администрации.

Упомянувшееся раньше дело ген. Ковалева дошло до стадии судебного разбирательства. На суде выяснились такие подробности дела: Ковалев вызвал, под предлогом болезни, в свою квартиру врача Забусова; когда последний явился, писаря по приказанию генерала свалили Забусова на пол, раздели и избili; причину избия установит так и не удалось. Суд установил превышение власти и истязания, и приговорил генерала к исключению со службы. С этим подосудимый еще примирился, но, когда поверенный Забусова опротестовал решение и потребовал пересмотра дела, генерал возмутился и застрелился, оставив письмо, в котором выставляет себя не жертвою не достойной интриги.

29 марта судебная палата разбирала жуткое дело Байрам-Алийского пристава Рыбинского. Этот старый чинуша в конце августа 1904 г. приказал посадить в пустую камеру без нар двух эрсаринцев, обвиняемых в краже верблюдов, которые от них были отобраны и возвращены владельцу. Вечером 8 сентября они разбили стекло в окне и выломали брусья оконной решетки; отдать эти брусья они отказались и Рыбинский, чтобы взять арестованных живьем, велел бросать в камеру через окно зажженные тряпки, смоченные керосином, и вязки зажженного сена. Заключенные долго боролись с огнем, но наконец обеспамятели от дыма. Стража вынесла их наружу, отлила водой, надела на обожженные руки ручные цепи и втокнула на ночь в ту-же прокопченную и непрветренную камеру. На утро врач, не

*) Продолжение. См. №№ 1 и 4 наш. журн. за 1927 г. и № 7-8—за 1928 г.

Рис. ху. КЕДРИНА

АШХАБАД.

В персидском квартале.

сделав перевязки, велел отвезти обожженных в Мервскую больницу, но их не отвезли, а продержали в камере и этот день и следующий, когда их водили в заседание народного суда под председательством того-же Рыбинского, и только вечером 11-го положили в Мервскую больницу, где один через 2 часа умер от неперевязанных в течение трех суток ожогов всей передней стороны тела; только спустя 10 дней случайно заехавший в Мерв зав. судною частью узнал об этом и сообщил начальнику области. Суд приговорил Рыбинского к заключению на 3 года в исправительном арестантском отделении с лишением прав состояния.

В марте установилось движение поездов на оконченной постройкой линии железной дороги между Оренбургом и Ташкентом и Ашхабад связался непрерывным рельсовым путем с Россией.

Пасха принесла указ о веротерпимости, но не успели отпраздновать, как почувствовался первый отклик революционной бури. Приказчики подали прошение о сокращении продолжительности рабочего дня до 11 часов. Ответ затянулся и 5 мая приказчики объявили забастовку, требуя ежегодного отпуска, коллективного договора, лечения в течение известного срока за счет хозяина, предупреждения об увольнении, и т. д.

На 5 дней замерла вся торговля и 10 мая хозяева пошли на уступки.

По примеру приказчиков, вслед за ними забастовали служащие ресторанов, духанов и буфетов; 8 мая рабочие хлебопекарен вошли с петицией об улучшении условий работы.

Пропаганда со стороны революционных организаций усилилась и жандармам пришлось отдать под надзор полиции некоторых застрельщиков, а именно: Буцкова, Бахирева, Белковского, Бузова и Александра Попова. Последние двое вскоре перешли на нелегальное положение.

Начальство тем не менее чувствовало себя беспечно: 12 мая начальник области выехал в Чарджуй встречать главного начальника края ген. Тевешева, привез его в Ашхабад, откормил завтраком и обедом, свозил в учебные заведения, музей, военное собрание, в больницу, в новостроящийся собор и в тюрьму, где разрешили устраивать народные чтения с музыкой. Проводив гостя, начальник области и сам выехал в 4-х месячный отпуск, оставив временно править командира резервной бригады Бутовского.

В эти дни шел уже ко дну и сдавался без боя русский флот в Цусимской ловушке.

20 мая было получено официальное известие, что последняя карта русского империализма на Дальнем Востоке, бита.

Вслед за этим известием было получено сообщение о массовых требованиях созыва народных представителей.

На фоне общей растерянности и недоумения почти незамеченной прошла 23 и 24 мая выездная сессия судебной палаты, разбиравшая дело преподавателя женской гимназии Стабровского, обвинявшегося в составлении и распространении прокламаций противуправительственного содержания.

Приговоренный к 2½ годам крепости, Стабровский вскоре умер от туберкулеза в тюремном лазарете.

Первое проявление революционного движения в Ашхабаде выразилось в организации студентами благотворительного вечера в велосипедном клубе, где впервые раздались призывы к борьбе.

4 июля впервые состоялась революционная демонстрация на улице. В этот день отпевали в армянской церкви Стабровского. Собралась огромная толпа, среди которой были забастовавшие типографские рабочие и студенты. На сей раз речи и революционные песни были прерваны вмешательством казаков. Инициатору демонстрации Катаеву пришлось на время скрыться из города.

16 июля Закаспийская область была объявлена на положении усиленной охраны.

Фот. Донцова.

Ашхабад.

Чай-хана на открытом воздухе.

Иванове, как на человеке пожилом и многосемейном, который поэтому будет вести себя осторожно; все же до ноября газета не выходило, а Иванов был использован, как редактор "Закаспийского Обозрения".

Происходившие 21 июня выборы представителей от железной дороги на съезд в Петербург были окрашены полученным известием, что Владикавказская дорога с 11 июля бастует на политической почве, и потому выбрали Воронца.

Царские дни 22 и 30 июня ознаменовали парадом, молебствиями и иллюминациями, а 10 августа за вредное направление приостановили издание газеты "Ашхабад".

Редактор газеты Любимский отстранен, как неблагонадежный; кандидатура на его место присяжного поверенного Агапьева отклонена ввиду полной его солидарности с Любимским; помирились на

Портемутский мир, закончивший бесславную войну 6-дневная резня в Баку забастовки в Москве—было отчего волноваться Ашхабадцам и вздохнуть свободно Бутовскому, передававшему 21 сентября бразды правления вернувшемуся из отпуска начальнику области. Последним распоряжением Бутовского был приказ офицерам не пускать своих денщиков на сходки и митинги и отбирать у них прокламации.

Вскоре после описанных событий, когда было получено известие, что делегатский съезд железнодорожников получил отказ на свои требования, по примеру других дорог, забастовала и Средне-Азиатская железная дорога.

Толпа забастовщиков, числом около 2000 чел., вышла к семафору на встречу поезду, с которым возвращался из Красноводска начальник дороги генерал Ульянин; забастовщики отцепили паровоз от поезда и предложили Ульянину продолжать путь пешком.

Затем были сняты с работы служащие типографии.

Старое в новом.

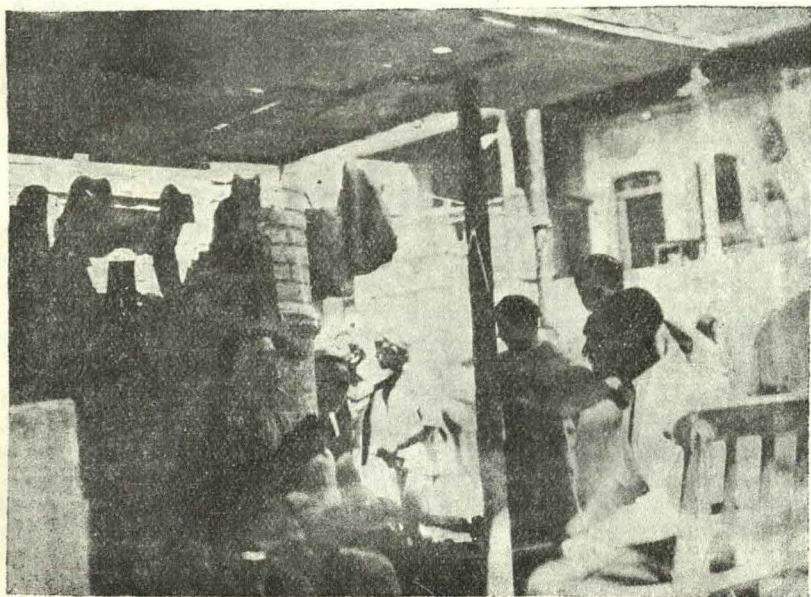
Фот. Донцова

Ашхабад

Караван-сарай.

Фот. Донцова

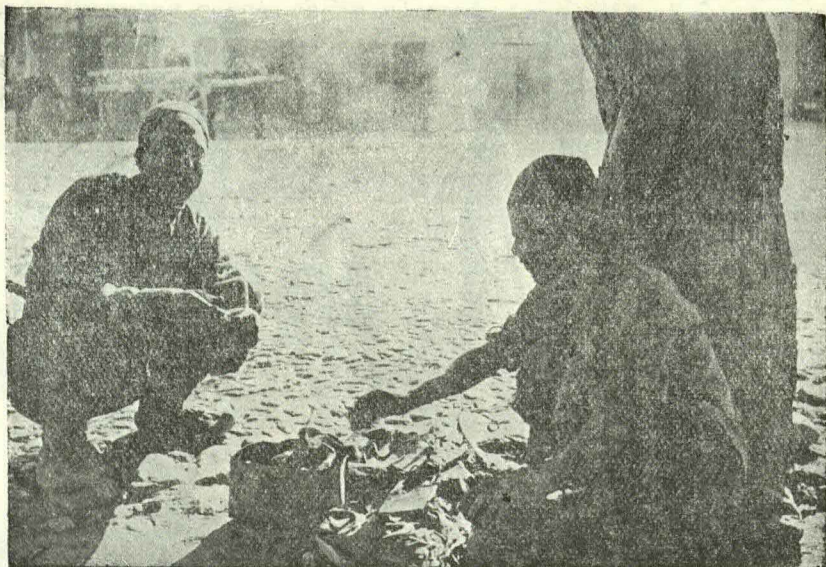

Ашхабад

„Магазин“ обуви.

Старое в новом.

Фот. Доцкова

Ашхабад

На улицах.—Починочная „мастерская“.

Фот. Доцкова

Ашхабад

На улицах.—„Походная юриспруденция“.

У здания правления дороги организовалась сходка, постановившая присоединиться к всероссийской забастовке и отправить депутацию к начальнику области с требованием, чтобы железнодорожный батальон не открывал движение, так как две роты батальона были высланы на окрал.

Нач. области принял депутацию и согласился не вмешиваться в забастовку под условием, что забастовщики воздержатся от насильственных действий.

Вечером в этот же день состоялось открытие ашхабадского железнодорожного собрания. Последующие несколько дней прешли без газет, — телеграфные сообщения регулировались стачечным комитетом.

Ежедневно в городском саду и в цирке происходили сходки; сыск с ужасом записал речь вновь появившегося в городе Катаева, заканчивавшуюся словами: „Манифест 17 октября не дарован царем, а вырван от царя ценою крови народа, которая будет искуплена лишь тогда, когда голова царя с плеч его падет к ногам народа“.

С 18-го октября прекратились занятия в учебных заведениях и учащиеся ежедневно собирались в железнодорожном техническом училище; 21-го октября учащиеся прошли по улицам с пением марсельезы в общее тнвенное собрание на сходку родителей, обсуждавших деяния начальства средне-учебных заведений.

Просьбу учащихся, —помочь им в установлении лучших учебных порядков, родители встретили аплодисментами и постановили предложить директору мужской гимназии Белоусову, инспектору той-же гимназии Дейнеко и начальнице женской гимназии Николаевой добровольно подать в отставку, так как они развивают между учащимися шпионаж и проявляют пренебрежительное и унижительное отношение к нерусским учащимся. 22-го октября манифестация учащихся с красным флагом и пением марсельезы прошла по всему городу к тюрьме, откуда с разрешения начальника области были выпущены, политические заключенные: Александров, Траутвейн и Поммрих, арестованные между 9 и 16 октября.

С 23-го стал показывать зубы контрреволюционно настроенный элемент. Штаб корпуса в целях борьбы с пропагандой среди войск предпринял издание „Ашхабадского Вестника“: нашли подходящего редактора в лице Мухина, дали ему субсидию в 2000 р. и предоставили для печатания типографию штаба округа. Успеха газета не имела, но просуществовала до марта следующего года. Директор мужской гимназии собрал родительское собрание, с которого были удалены несочувствовавшие ему; родители качали директора и постановили отслужить молебен, и с 24 начать занятия.

24-го персы с царским портретом пошли в манифестацию, которая была около казарм 1-ой легкой батареи обстреляна, по слухам, армянами. Начались угрозы погромами, настроение подымалось.

Дни 23 и 24 октября были очень тревожными в связи с возросшей дороговизной хлеба, мяса и керосина. В ночь на 25-е начальник области приказал усилить патрули, объехал город и вызвал войска по тревоге. 26 собралась комиссия для умиротворения из армян и персов. В газетах появилась убедительная просьба начальника области воздержаться от манифестаций. Раскол среди забастовавших железнодорожников привел к тому, что 26 отслужили на площади молебен, решили забастовку прекратить и с молебна пошли к началь-

Старое в новом.

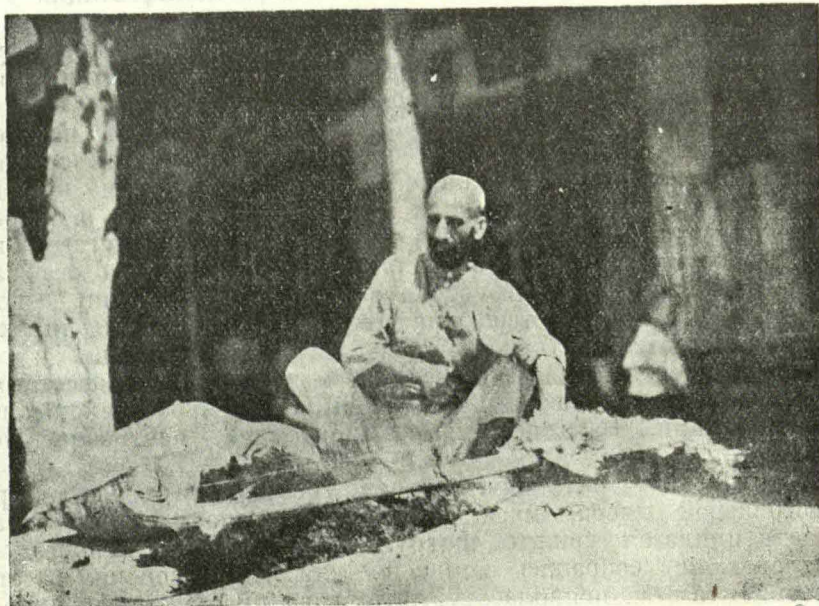
Фот. Донцова

Ашхабад

„Аул в городе“

Фот. Донцова

Ашхабад

На улицах.— Грета щик шерсти.

нику области, который принял в своей гостинной депутацию от пришедших.

После этих событий в городе установилось некоторое „спокойствие“, хотя занятия в школах не возобновились. Митинг родителей постановил настаивать на увольнении командного состава гимназий, а гимназисты четырех старших классов с согласия родителей поместили в газете письмо с изложением своих требований о коренном изменении постановки школьной работы.

„Затишье“ продолжалось недели две.

13-го ноября в цирке делал доклад, вернувшийся из Петербурга со съезда железнодорожных делегатов, Воронеж, который говорил, что реакция собирается с силами и надо готовиться к продолжению борьбы.

16-го ноября в газете „Ашхабад“ появилось письмо группы солдат ашхабадского гарнизона, в котором сообщалось, что несмотря на объявленную свободу собраний солдатам запрещено ходить на митинги.

17-го ноября было получено известие о расстреле ташкентского резервного батальона. На следующий день по этому поводу состоялся митинг в городском саду, на котором постановили возобновить железнодорожную забастовку.

Масла в огонь подлила забастовка мясников, и сообщение о том, что комендант крепости Кушка-Прасолов объявил крепость на осадном положении, арестовал и предал военно-полевому суду инженера Соколова и нескольких железнодорожных служащих, а сам во главе карательного отряда выступил в Мерв.

Там он 30 ноября произвел аресты, отослал арестованных в Кушку и направился на Ашхабад.

Начальник области послал Прасолову приказ вернуться, но тот, прежде чем выполнить распоряжение, повернул на Чарджуй и арестовал там 11 железнодорожных делегатов.

Начальник области приказал Прасолову выслать всех арестованных в Ашхабад.

Прасолов подчинился, но послал телеграмму царю с изложением фактов, со своей точки зрения; его поддержал и ген. Сахаров, временно исполнявший должность ташкентского генерал-губернатора.

В результате последовала телеграмма военного министра об отстранении Уссаковского от должности начальника области.

За последние дни его управления—28 ноября владелец типографии Александров просил разрешения на издание газеты „Средне-Азиатский курьер“. Уссаковский положил резолюцию: „не имея возможности снестись с главным управлением по делам печати, временно разрешаю“. Газета под редакцией Любимского начала выходить с 9 декабря. 12 декабря начался делегатский съезд железнодорожников, потребовавший освобождения арестованных делегатов. 14-го поставлен вечер памяти декабристов, и сорганизовался союз равноправия женщин.

Обзор области за 1905 г. заканчивается так: „Проявление политического движения в области стало заметно гораздо позже, чем в Европейской России, и только тогда, когда оно там было уже в полном разгаре, первые волны его докатились и до области; сначала они были очень слабы и частичны, но затем все ширились и крепли, и к осени буря политических страстей уже разбушеввалась и здесь.

Буря эта, благодаря забастовкам, нанесла сильный удар общему экономическому состоянию края; к сожалению не миновала она и

и областной школы, которая под напором ее вынуждена была временно приостановить свою нормальную жизнь. К счастью буря не коснулась. Благодаря во время принятым мерам, взаимоотношений кавказских народностей в области.

Туземное население области пока отнеслось к политической неурядице пассивно и довольствовалось положением постороннего зрителя, или пока еще, видимо, плохо отдающего себе отчет в окружающем, или благодаря твердому убеждению в непоколебимости и несокрушимости монархии. Хотя случаи политической агитации имели место и среди них.

Глубже всего всколыхнула политическая буря железнодорожный мир, где ее волнами выброшено за борт не мало чересчур уже увлекшихся голов“.

Под шум мировых событий будничная жизнь города шла своим чередом, но замедленным темпом.

За год из построек были закончены: здание уездного управления, (здание это в 1917 г. сгорело и на его месте построено теперь здание Горисполкома), устроены бесплатные водоразборные краны на Хивинской и Воскресенской площадях; поставили фонари на новоразбитых кварталах, в сторону Кеши; в городской больнице закончили постройку заразного отделения.

Составили и утвердили сметы на постройку ночлежного приюта на 50 чел. и на постройку ремесленного училища.

Вновь был поднят вопрос об артезианском колодце, но не на прежнем месте, а, по указанию штейгера, в верховьях р. Асхабадки, около аула Багир.

Разгром бакинских нефтяных промыслов, вызвавший необычайный рост цен на мазут и керосин, сказался в Асхабаде тем, что канцелярия начальника области была засыпана заявками на отвод нефтеносных участков на о. Челекене и на Нефте-Даге.

